

МИХАИЛ ЛЕБЕДЕВ

СОН ВЕЛИКОГО ХАНА.
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ
(СБОРНИК)

Россия державная

Михаил Лебедев

**Сон великого хана. Последние
дни Перми Великой (сборник)**

«Public Domain»

1907

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

Лебедев М. Н.

Сон великого хана. Последние дни Перми Великой (сборник) /
М. Н. Лебедев — «Public Domain», 1907 — (Россия державная)

ISBN 978-5-486-03613-2

Лебедев Михаил Николаевич (1877–1951) – советский поэт, писатель, один из зачинателей коми советской литературы. До революции 1917 года опубликовал несколько прозаических произведений на русском языке и стихов на языке коми. В его послереволюционных стихах, поэмах, музыкальных комедиях изображается социалистическое преобразование Коми края. Лебедев был популярным баснописцем и поэтом-лириком, многие его стихи стали народными песнями. В данном томе представлены два произведения Лебедева. Роман «Сон великого хана» посвящен событиям XIV века, когда над Русью нависла угроза порабощения могучей азиатской империей и молодой Василий I готовился отбить полчища непобедимого Тамерлана. По народному преданию, чудесное явление хану Пресвятой Богородицы, заступницы за землю Русскую, остановило опустошительное нашествие... Действие романа «Последние дни Перми Великой» разворачивается в конце XV века, когда Иван III предпринял широкое продвижение русских дружин в Северное Прикамье и Приуралье. Попадая под власть московского князя, местные народы прекращают взаимные распри, становятся не только данниками и союзниками Москвы, но и пользуются ее покровительством.

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03613-2

© Лебедев М. Н., 1907

© Public Domain, 1907

Содержание

Сон великого хана	7
I	7
II	11
III	16
IV	22
V	28
VI	33
VII	38
VIII	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Николаевич Лебедев
Сон великого хана
Последние дни Перми Великой

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

* * *

Сон великого хана

I

В один из ясных летних дней 1395 года по извилистым улицам Москвы медленно проезжал великий князь Василий Дмитриевич, сопровождаемый тремя молодыми бояричами. Ехали они ко Кремлю и имели пасмурные лица, точно какая-то злая тоска-кручина тяготила их. На князе был надет легкий бархатный кафтан, блиставший золотом и драгоценными камнями; на голову была надвинута низкая бархатная же шапка, опушенная соболем и украшенная огромным жемчужным пером; на боку висела кривая сабля, вложенная в среброкованные ножны. Ноги князя, обутые по тогдашней моде в красные сафьяновые сапоги с загнутыми кверху носками, были поставлены в широкие серебряные стремяна. Ударяя краями стремян в крутые бока своего рослого белого коня, Василий Дмитриевич горячил его, но скакать вперед не давал, и благородное животное, красиво изогнув шею, нетерпеливо перебирало ногами, фыркало, грызло удила и, казалось, ожидало только небольшого ослабления поводьев, чтобы нестись вперед с легкостью и быстротою ветра. Но рука седока была тверда; без труда сдерживая бег коня, великий князь разговаривал с ехавшими за ним бояричами и кивал головою направо и налево в ответ на поклоны, отвешиваемые встречавшимися людьми.

– А славный денек ныне, – говорил великий князь, поглядывая на ясное небо, озаренное лучами полуденного солнца. – Редко такие дни бывают. На полях, на лугах что твой рай небесный, а в лесах пуще того: прохлада под деревьями развесистыми, тишь, благодать, услада душевная, знай себе прохлаждайся под покровшей зеленой да игры любимые затевай!.. А здесь... Эх, не говорить разве! – махнул рукой Василий Дмитриевич, почти со злобой взглянув на показавшийся неподалеку Кремль, обнесенный высокою каменною стеною. – Ни потехи, ни веселья нет. Постоянно владыка-митрополит торчит да уму-разуму научает: «Ты, дескать, княже великий, вельми юн летами, так слушайся меня, старого человека, я тебя не на худо учу: вот это не пригодно делать, а это сделать подобает; вот это учинить потребно, а это подождать мало время...» Совсем как младенца несмыслящего! А я должен слушать его, ибо он воистину стар-человек. Да не то досаждают мне, не прочь я словам его внимать: не ложно про него говорят, что он ученый старец, крепко житием умудрен, и теперь я у него был по делу государскому, но противно мне в четырех стенах сидеть да слушать одни речи степенные, да читать книги божественные. Потребно и душу отвести. А владыка-митрополит все о спасении души толкует...

– Вольно же слушать тебе, княже великий! – усмехнулся один из бояричей, красивый стройный юноша с лукавым взглядом черных бегающих глаз. – Ведь ты, слава богу, не монах, не подначален владыке-митрополиту, можешь и на своем поставить. Оно, вестимо, твое дело женатое, ожениться изволил уж ты, но княгиня-матушка, я мыслю, не наложила бы на тебя гнева своего, если б ты часик-другой в потехе некой провел...

– В какой потехе? – Повернулся в седле великий князь и даже коня совсем остановил. – Говори, что ты замыслил, брат Сыта?

Молодой боярич понизил голос:

– Не обессудь, княже великий. Замыслил я позвать твою милость в село Сытово, где у нас хоромы великие понастроены. Большие погреба при хоромашах есть, а в погребах питий разных видимо-невидимо. Окромя медов крепких да пив пенных, обретается и заморская мальвазия. А батюшки дома нету, сам знаешь ты, княже. А матушка в Троицкую обитель ушла на богомолье. Так вот, не угодно ли будет твоей милости, княже великий?.. Непомерно бы рад я был. Провел бы ты ночку летнюю в веселой беседе. А веселить у нас есть кому: красавиц девиц непечатый угол. Вот только ежели проведает княгиня-матушка Софья Витовтовна...

– Ну, это не беда, – тряхнул головою великий князь, перебивая названного Сытой. – Княгиня не спрашивает меня, где я бываю. А другие не смеют сказать. Одно только неладно, как я смеаю: завтра у нас праздник будет, воскресенье, так негоже на такой день веселые беседы затевать. Что скажет владыка-митрополит?

– Да он не узнает, княже!

– А если узнает?

– А узнает, так простит тебя по юности лет. Не монах же ты, прости господи! Можно лишний раз и погрешить немного. Не все же в кремлевских палатах сидеть да вершить дела государские. Э, полно, государь, поедem в наше Сытово да попробуем грусть-тоску твою развеять. Оно, вестимо, твоей милости не о чем тосковать-горевать: княгиня-матушка что твой ангел небесный, крепко-накрепко тебя любит; живете вы душа в душу; отчина твоя Богом хранима, о татарве поганой не слышно, новгородцы буйные под твою высокую руку пришли. Чего ж тебе печалиться? Одначе не сладко тебе, княже, видим мы, не развеселила тебя беседа с владыкой. Он все о божественном толкует. А посему поедem в Сытово: там всю твою печаль как рукой снимет. А если тебя завтра в церкви у обедни не будет, так это не большая беда. Поворчит, поворчит владыка да на том же и останется...

– А грех-то, грех, брат Сыта?.. Не ровен час, гнев Божий грянет... Владыка-митрополит говорит...

– И владыка не без греха, княже! Слыхал я, как он в митрополиты лез: тоже всячески орудовал! А теперь поучать начал!.. Все мы грешные люди, государь, один другому не уступим. Лучше бы молчать нашему брату... и владыке-митрополиту тоже. Так что ж, будет твоя милость, княже? Несказанная бы честь мне была...

Великий князь поглядел на других бояричей.

– А что, други мои, послушаться мне боярчонка Сыты? Какую вы мысль держите?

– Вестимо ж, послушаться, государь, – отозвались товарищи Сыты, улыбаясь во весь рот. – Сытово рукой подать, только Кучково поле переехать. Окажи милость, княже, посети слугу свою верного.

– Ну, еду, – решил Василий Дмитриевич, поворачивая лошадь обратно. – Не все же по заповедям Господним жить, нельзя без греха обойтись. А чтобы меня не ждала княгиня, слетай-ка, брат Всеволож, в Кремль да скажи постельничей боярыне, что я до утрия не буду. Дело-де такое приключилось, нельзя до утрия обернуться. А боярыня передаст княгине. А потом ты следом за нами.

– Слушаю, государь, – кивнул головою один из бояричей и с места же во весь опор помчался по улице, направляясь к Кремлю белокаменному, горделиво высившемуся в воздухе.

– А мы потрусим в Сытово, – сказал великий князь и крупною рысью пустил своего коня по дороге, в сторону, противоположную от Кремля, который так сильно надоел ему.

Боярич Сыта и его товарищ последовали за ним.

С юных лет пришлось Василию Дмитриевичу взять на себя бремя государственного правления. Едва ему исполнилось пятнадцать лет, как отец его, великий князь Дмитрий Иванович, прозванный Донским, скончался и на престол московский сел Василий Дмитриевич как старший из сыновей умершего. Характером Василий Дмитриевич отличался суровым и даже жестоким, духом гордым и неукротимым и, несмотря на кажущееся благочестие, любил предаваться мирским удовольствиям, в которых недостатка не было. Семнадцати лет от роду он женился, взял литовскую княжну Софью Витовтовну, и хотя крепко любил свою жену, но иногда беспричинная злая тоска-кручина наваливалась на него, терзала его молодое сердце... Кровь требовала своего: порывистых движений, ухарства, разгульных пиров, не стесняемых придворною важностью, а таких, где бы была душа нараспашку, и в такие минуты великий князь исчезал из Кремля и ехал куда-нибудь за город в сопровождении двух-трех боярских сыновей, увозивших его в свои подмосковные усадьбы, и там «отводил душу»... Однако он не оставлял «на усмотрение»

рение» бояр никаких дел государственных, не доверял даже дяде своему князю Владимиру Андреевичу, славному герою битвы Куликовской, а до всего доходил сам, везде действовал самовластно и решительно, не прося ни у кого советов, и только один владыка Киприан, митрополит московский, да два-три ближних боярина пользовались его доверием, неліцемерно желая благополучия его «державству».

Особенно владыка Киприан старался «направлять на путь истины» юного великого князя. Ученый добродетельный старец, единственным порицанием для которого служило то, что он слишком настойчиво добивался митрополичьего престола, Киприан отличался умом и жизненным опытом, прекрасно знал внутреннее устройство многих государств, и его советы всегда принимались Василием Дмитриевичем с благодарностью. Одно не нравилось великому князю в митрополите – это строгое требование им от молодого государя соблюдения княжеского достоинства, то есть чтобы великий князь всегда носил личину важности и превосходства над прочими: торжественно шествовал в церковь, торжественно выезжал из Кремля, торжественно принимал просителей, торжественно чинил суд и расправу и, главное, чтобы торжественно свидетельствовал о своем благочестии, не пропуская ни одной церковной службы и становясь в храме Божиим на особом возвышении, откуда все могли бы видеть его особу и понимать, что он истинный православный государь, истинный помазанник Божий, которого грешно порицать и не почитать. Подобная торжественность не могла претить самолюбивому князю сама по себе, но ему было невыносимо представляться величавым и благочестивым государем во всякое время, везде казать вид суровый и важный, не позволять себе ни слова шутиwego, ни движения порывистого, всегда быть великим государем – и только. Василий Дмитриевич не прочь был, когда требовалось, поразить обыкновенных смертных блеском и пышностью своей одежды, представиться грозным судьей и повелителем, окружить себя подавляющею по торжественности обстановкою, но он не прочь был и пировать-столовать в обществе молодых бояричей в каком-нибудь укромном месте, где все церемонии были оставляемы и царило самое бесшабашное веселье. А против этих пирушек, как «не приличествующих сану великого князя», строгий в подобных делах митрополит восставал весьма решительно.

– Не подобает великому князю московскому иметь дружбу с людьми, по кружалам¹ ходящими, – говаривал владыка, когда узнавал про новую «проруху» Василия Дмитриевича. – Московские государи – голова всей земли Русской. Московских князей сами ханы ордынские почитают. Не следно тебе, чадо мое, поруху своей княжеской чести делать. Княже великий завсегда должен князем быть. Пусть видят все, что ты государь истинный...

– Прости, согрешил, владыко, – обыкновенно потуплял очи князь и обещал не делать более таких «прорух», унижающих его княжеское достоинство. Но дальше этих обещаний дело не шло. Проходили день, два, три, проходила неделя, и Василий Дмитриевич снова исчезал из Кремля, пользуясь каким-нибудь благовидным предлогом, и по целым суткам проводил время в веселой компании.

Однако, несмотря на неутолимую жажду удовольствий, молодой князь никогда еще не решался бражничать в ночь на воскресные и праздничные дни. Отеческие поучения митрополита и, главное, чувство невольного уважения к церковным установлениям, всосанное с молоком матери, не позволяло ему уподобляться татарке некрещеной, не признающей ничего святого на свете. Гулять на праздник – это значило жестоко оскорблять святыню, и ни один из истинно верующих людей того времени не решился бы на такое богопротивное дело. Положим, Василий Дмитриевич не любил стояния в церквях, не отличался большою набожностью, но при народе весьма усердно крестился и молился и все-таки сознавал в душе, что вера в Бога – великое дело и что следует, по крайней мере, хоть праздники Христовы соблюдать, если даже в сердце и нет священного огня. И он держался этого правила, и если бражничал, то, во вся-

¹ Питейное заведение. (Примеч. ред.)

ком случае, не в праздники, а в такое время дня и ночи, когда нарушение «великокняжеской важности» не могло бы иметь для него скверных последствий.

Но сегодня великому князю было особенно скучно, и он согласился ехать в Сытово, где ожидало его «разливанное море», в чем он не сомневался. Боярич Сыта, сын Евстафия Сыты, бывшего наместником в Новгороде, любил угостить гостей, а особенно такого гостя, как великий князь, наверное, угостил бы, живота своего не пожалев. И Василий Дмитриевич не думал уже о том, что завтра праздник Христов, а следовательно, грешно проводить ночь в «хмельном веселье», и единственно предвкушал удовольствие от грядущей попойки.

Трое спутников его, боярские сыновья Михайло Сыта, Иван Белемут и посланный в Кремль Сергей Всеволож составляли его «товариство сердечное». Все трое – сверстники по летам, постоянно неразлучные, молодые люди сопровождали князя в его «походах по местам укротным», и хотя, чисто внешне, не были способны ни на что другое, кроме бражничанья, но в действительности они были храбрые витязи, мерявшиеся силами и с татарами, и с новгородцами буйными. В этот день, состоя при особе князя, они провожали его в Симонов монастырь, где временно проживал владыка Киприан из-за перестройки митрополичьих палат.

II

Широко и привольно раскинулась Москва белокаменная, хотя название «белокаменной» она заслужила еще недавно, за два десятка лет до описываемых событий, когда в 1367 году великий князь Дмитрий Иванович заложил каменный Кремль, который и был построен в непродолжительное время. С постройкою каменного Кремля начали воздвигать и каменные церкви, кроме существующих уже соборов Успенского и Архангельского, церквей во имя Святого Иоанна Лествичника и Преображения Господня, построенных еще князем Иваном Даниловичем Калитой, большим ревнителем благочестия. Москва начала принимать тот величественный вид, который придавали ей храмы Божии, возвышавшиеся по всем ее направлениям. Особенно Успенский и Архангельский соборы и храм Преображения Господня отличались благолепием, усиливаемым настенною живописью, изображающей события из священной истории и лики святых, особенно почитаемых греко-российскою церковью. Это расписывание церквей было совершено в княжение Симеона Ивановича, прозванного Гордым, причем Успенский собор расписывали греческие живописцы, привезенные митрополитом Феогностом, Архангельский собор – «русские придворные живописцы Захария, Иосиф и Николай с товарищами», а церковь Преображения Господня – иностранец Гойтан, переселившийся в Москву из Италии. За исключением этих и других каменных храмов, было порядочно и деревянных, но в 1382 году, во время нашествия Тохтамыша, обратившего Московское великое княжество в кучу дымящихся развалин, все деревянные церкви были сожжены, каменные храмы разграблены, Москва в один час лишилась всего, что было приобретено со дня ее основания, и бедному опустошенному граду пришлось начинать снова «украшаться храмами и монастырями», составлявшими уже и тогда его славу. Во всяком случае, князь Дмитрий Иванович Донской, в княжение которого произошло сожжение Москвы Тохтамышем, употребил все старания к восстановлению своей столицы, и немногие уцелевшие храмы были приведены в свой прежний вид, а затем стали строиться и новые, но в первые годы княжения Василия Дмитриевича, не унаследовавшего от отца его прилежания к Божиим храмам, Москва была скудна церквами по сравнению с недавним прошлым, и только неугасающая ревность митрополита Киприана в делах веры служила к тому, что «дома Господни» продолжали вырастать на стогнах Белокаменной.

Не имея правильного расположения улиц, Москва представляла из себя огромную деревню, раскинувшуюся по берегам Москвы-реки и Яузы. Улицы назывались «концами» и сходились со всех сторон к Кремлю, называвшемуся собственно «городом», тогда как закремлевские части Москвы именовались «посадами», являвшимися как бы предместьями города-кремля. Характер городских построек был однообразен. Обыватели Москвы, как и все вообще русские люди того времени, не питали в душе никаких честолюбивых стремлений щегольнуть красивою внешностью своих жилищ и строились попросту, «как Бог приведет».

Постройка домов была незамысловата. Срубались обыкновенно одна или две избы желаемых размеров, ставились на облюбованное место; сверху срубы покрывались тесом, внутри делались пол и потолок, а то и вовсе без полу, вместо которого служила простая земля, в стенах прорубались небольшие отверстия для окон, затягивались бычачьим пузырем или слядою; посреди полу становилась печь, в большинстве случаев лишенная трубы, потому что избы были курные, и дом был готов. А если позади дома стояло несколько житниц и помещения для скота, а кроме того, имелся садик, огражденный невысоким заборчиком, то говорили, что хозяин двора – зажиточный человек, могущий жить как у Христа за пазухой. Во всяком случае, подобный род жилых построек являлся преобладающим, соответствующим духу того времени, когда каждую минуту можно было ожидать вражеского нашествия, а с ним и лишения всего, что ни имеешь.

На более видных местах, преимущественно же вокруг церквей и близ кремлевских стен, красовались обширные палаты великокняжеских бояр и купцов, не жалеющих «животов» для вящего украшения своих жилищ, потому что возможность лишиться всего их не страшила: враги пограбят, пожгут да и уйдут, тем временем они отсидаются за крепкими стенами Кремля, где сохраняют свои сокровища, а когда враги покажут тыл, то на месте уничтоженных палат они построят еще лучшие и заживут такими же богачами, как прежде. Большинство боярских и купеческих хором окружалось высоким частоколом, из-за которого виднелись только крыши, и, проезжая по московским улицам, незнакомый человек мог бы подумать, что это не жилища мирных граждан, а более или менее неприступные крепости, единственное неудобство которых заключалось в том, что их можно было легко зажечь, чем во время неоднократных набегов на Москву татары и пользовались, сжигая все городские строения, не входившие в состав «каменного города», или Кремля.

Летом 1394 года, по совету бояр, великий князь приказал копать ров от Кучкова поля, или нынешних Сретенских ворот, до Москвы-реки, для сильнейшего укрепления столицы. Ров этот имел две сажени в ширину и полторы сажени в глубину, ввиду чего работа в одно лето не могла быть кончена и в 1395 году копанье рва продолжалось. В немногих местах, против наиболее оживленных улиц, через ров были перекинута мостики, и ими заведовали особо выбранные сторожа, опускавшие мостики с восходом солнца и поднимавшие их на ночь. В этот день, в который великий князь Василий Дмитриевич согласился ехать в Сытово, один из мостиков, по неизвестной причине, был поднят, и великий князь подъехал именно к этому месту, не подозревая, что тут проезда нет.

На лице его выразилось удивление.

– Что сие значит? – спросил он своих спутников, указывая на поднятый мостик. – Чего ради мостовина не опущена?

Бояричи Сыта и Белемут засуетились.

– А полагать надо, сторож бражничает, – отозвался Сыта, поспешно слезая с лошади, – вот и позабыл дело свое. Подержи-ка, брат Иван Андреевич, коня мово, я мигом в ров спущусь да перейду на ту сторону. А там только за веревку дернуть, мостовина-то и опустится.

– Батогами следно вздуть этого сторожа, – негодовал Белемут, принимая поводья от лошади Сыты. – Эдакую пакость учинил – мостовину неопущенную оставил. А теперича белый день, весь народ честной ходит из конца в конец. А особливо княже великий подъехал – и стой ради смерда непутящего.

– Будет помнить меня холоп негодный, – нахмурил брови Василий Дмитриевич, раздосадованный непредвидимой задержкой. – Не забыть бы лишь о сем при случае...

– Напомним, княже великий, – улыбнулся Сыта, готовясь спрыгнуть в ров, преградивший путь к желанному Сытову. – Не уйдет он от детей твоих боярских. А теперича прыгну я...

Но прыгать Сыте не пришлось. Из-за небольшой покосившейся избенки, стоявшей около самого рва, на противоположной от путников стороне, выбежал маленький худенький человек, с бледным истомленным лицом, опущенным седою бородою, с кроткими, печально смотревшими глазами, одетый в оборванную сермягу и босой, и крикнул надтреснутым голосом:

– Не утруждай себя, боярчонок! Открою я дорогу князю великому, мостовину опущу. Только послушай споначалу слово мое, княже великий...

– Опускай скорей мостовину-то, – перебил князь, недобрым оком взирая на худенького человечка. – Некогда мне велеречие твое слушать. Ты что за человек такой? Аль сторож здешний неграмотный?..

– Не сторож я, княже великий, а человек убогий, живу милостями людей православных, – отвечал незнакомец, проворно опуская мостик. – А зовут меня Федором-торжичанином, ибо я из Торжка-города, что милостию твоею недавно пожалован...

– Какою милостью?

– А такую милостью, княже, какой и век никому не снилось. Было это не так давно, года два назад тому, когда ты с Новгородом Великим в рассорке был...

– А какая милость моя была? Говори, ежели добрые словеса молвить ты желаешь! А ежели такое что, то не прогневайся: попробуешь ты батогов на судейском дворище!..

Голос князя прозвучал угрозой. Василий Дмитриевич понял, на какую «милость» намекает Федор-торжичанин, неизвестный ему до настоящей минуты, и, перебравшись по опущенному мостику на другую сторону рва, подъехал вплотную к смельчаку, смотревшему на него без всякой робости и подобострастия.

Боярич Белемут шепнул на ухо великому князю:

– Это человек блаженный, княже, юродство на себя напустил. Постоянно здесь обрета-ется. Не стоит разговор с ним вести...

– Наплюнь, княже, – поддержал товарища и Сыта, наклоняясь к другому уху князя. – Ничего доброго от него не дождешься. Да и достойно ли твоему сану с таким полоумным смердом разговор вести?..

– А воистину ведь так, други, – согласился великий князь и хотел было тронуть лошадь, но тут Федор-торжичанин встрепенулся, глаза его загорелись неожиданным блеском, и он схватил под уздцы княжеского коня.

– Нет, погоди, князь Василий! Не сдвинешься с места до тех пор, пока меня не выслуша-ешь. А скажу я споначалу про то, какую милость оказал ты жителям Торжка-города. А потом и про другое что...

Василий Дмитриевич покраснел от гнева. Как? Его смеет задерживать какой-то «полоумный» смерд, обращавшийся с ним как с равным? Ему не отдает должного почтения простой смертный, зависимый от него и в жизни и в смерти?.. Рука его судорожно рванула повод, уни-занный блестящими кольцами, а ноги ударили краями стремян в крутые бока доброго коня, выражавшего недавно такое нетерпение; но, к удивлению его, горячее животное не ринулось вперед от этого, не сбило с ног дерзкого торжичанина, спокойно державшего его под уздцы, а, напротив, попятилось даже назад немного и снова сделалось неподвижно, как статуя, пугливо поводя глазами.

– Прочь с дороги! – глухо произнес великий князь, угрожающе хватаясь за саблю. – Не хочу я слушать тебя!.. А завтра найдут тебя слуги мои, и уведает, что значит грубить мне...

– Нет, ты выслушай меня, княже! – настойчиво повторил Федор, вперя пылающий взор в лицо Василия Дмитриевича. – Переполнилась чаша терпения Господня, велики грехи наши, не будет спасения нам, грешным. А тебе, князю великому, горше всего...

– Что ты говоришь? – смущенно пробормотал князь, теряясь под странным взглядом юродивого. – Нельзя дать веры тебе... Благополучно державство наше...

Василий Дмитриевич смутился. Никогда никому не спускал он дерзости, выраженной в той или другой форме, но тут слова Федора произвели на него такое действие, что он не знал, как отнестись к «блаженному»: как к святому прозорливому человеку или же как к полоум-ному бродяге, болтающему разные глупости?.. Но взгляд торжичанина насквозь прожег его душу, заставил его потупиться, и великий князь не мог разрушить очарования, «напущенного» на него юродивым. В голове его шевельнулась мысль, что слова «блаженного» о переполнен-ной чаше есть грозное пророчество, которое может исполниться... Бояричи порывались было отбросить дерзкого с дороги, но Василий Дмитриевич легким движением руки приказал им не двигаться с места. С чувством подавленной досады начал слушать он речь Федора-торжи-чанина.

Тот начал говорить:

– Не хвались благополучием своего державства, княже великий! Пока Бог грехам терпит, ты жив, здоров, славен, могуч, а переполнят грехи твои чашу терпения Господня – и обру-шится на тебя гнев Его грозный! Много, много грессишь ты, князь Василий Дмитриевич, велия

злоба в сердце твоём кипит. Вспомни-ка, вспомни, княже, какую милость оказал ты жителям Торжка-города, когда в рассорке с Новгородом Великим был? Зело строптив ты, княже великий, никому пощады не даешь. Особливо в деле сем выказал ты душу свою: семьдесят человек казнил! Да как казнил-то, Господи Боже милостивый! Сперва правую руку отсекли, потом левую, потом ноги отсекаль начали, и все эдак потихоньку, не спеша: страждите, мол, поболее, людие православные: христианский владыка вас чествует! А бояре да дьяки твои княжеские кричат: «Так гибнут враги-недрузи государя московского!» И совершилось дело небывалое: семьдесят русских людей от русского же князя погибли! И омочилась земля мученической кровью!.. Аль было это не так, княже великий? Аль лгу я, выдумку говорю, а?

– Не выдумку говоришь ты, а правду, человеце, – пробормотал Василий Дмитриевич, не смея поднять глаз на своего необычного собеседника. – Вестимо, семьдесят человек торжичан я казнил. Но казнил я их за дело, за измену. Крамольниками были они. А крамольникам подделом казнь подобная!..

Федор махнул рукой.

– Не ты бы говорил, не я бы слушал, княже великий! Вестимо, нет нужды тебе выправляться передо мною, недостойным смердом, а все ж скажу: ты только самого себя выгораживаешь! Не мог ты утолить злобу свою, ни усмирить сердце кровожадное и обрушился на торжичан гневом лютым. А велику ли крамолу они учинили? Немного погалдели только, да новгородец пришлый доброхота твоего Максима убил. Убил он невзначай, наводя страх на него, а ты, княже немилостивый, счел это тяжкою обидою для себя и повелел изымать граждан Торжка-города, кто попадется под руку, и всех злой смерти предать! И умертвили семьдесят человек. А люди они были безвинные... Грех, грех велий принял ты на душу, княже великий! Отольется тебе кровь неповинная!..

– Ой, перестань, Федор! – не удержался наконец Сыта, выведенный из терпения укоризнами торжичанина. – Не черни князя великого! Не твоего ума дело рассуждать о действиях его! На то он и князь великий, чтобы крамолу из Русской земли выводить...

– Но не проливать кровь неповинную! – воскликнул Федор, не обращая внимания на внушительный окрик боярича. – Зело еще юн ты, княже великий, недавно два десятка лет минуло, рано ты за кровопролитье принимаешься! Накажет тебя Бог, княже, помочи мое слово – накажет! Накажет, ежели не исправишься! А исправиться тебе пора уж, довольно беса тешить, следно и Бога вспомнить. Подумай, какой завтра день будет – воскресенье, на такой день добрые люди пост держат, молятся, а ты едешь мамону свою ублажать...

– А ты откуда знаешь? – зыкнул великий князь, понемногу возвращая себе свое обычное хладнокровие и резкость. – Молчи, пока цел стоишь!..

– А и казнить меня прикажешь, княже, и тогда молчать не стану: готов я за правду умереть, а ведь это правда сушая. Аль лжа это, напраслина, княже?

Василий Дмитриевич нетерпеливо передернул плечами.

– А пожалуй, напраслина и есть. Не ведаешь ты, что говоришь, человеце. Вестимо, заслужил бы ты казнь, но не всякие глупые речи принимаю я за намеренное поношение и... не хочу марать о тебя рук. Отойти от греха, смерд неразумный, сокройся от глаз моих, а то горе тебе! Довольно слушал я тебя, пора и честь знать... прочь с дороги!

Недолго продолжалось смущение великого князя. Он живо пришел в себя и, сказав эти слова, порывисто дернул поводья, точно заставляя коня перескочить через торжичанина, но лошадь не тронулась с места: рука «блаженного» крепко держала ее под уздцы. Лицо Федора преобразилось. Кроткое выражение исчезло, черты утратили свою неподвижность, между бровями легла суровая складка. Он стал на себя не похож. Глаза сверкнули вдохновенным огнем, взгляд сделался строгим и грозным, на щеках вспыхнул румянец, губы дрогнули и полуоткрылись. Он глубоко вздохнул всею грудью и воскликнул:

– Покайся, княже! Час гнева Господня близок! Покайся в своих прегрешениях, прибегни с усердным молением к Заступнице и Молитвеннице нашей Царице Небесной, и беда пройдет стороною... Послушайся если не меня, то владыки-митрополита, ангела-хранителя здешнего... Остановись, не ездь на дело бесовское, вспомни, что завтра день воскресный... О, горе земле Русской! Горе твоему стольному граду! Горе всем людям православным! Туча грозная из-за Волги-реки поднимается...

– Прочь с дороги! – бешено рыкнул великий князь, пришедший в страшное раздражение, и, перегнувшись в седле, достал правой рукою Федора, схватил его за шиворот и могучим взмахом отшвырнул в сторону, прямо на камни, вывороченные при рытье рва. – Вот тебе, холоп паскудный! – прохрипел он, задыхаясь от душившей его злобы, и, не взглянув даже на несчастного, ударил краями стремян в благородные бока своего доброго горячего коня, гикнул и понесся вперед с такою быстротою, что Сыта и Белемут едва успевали за ним.

А сзади за ними, на большой куче камней, лежал поверженный во прах юродивый, осмелившийся порицать бесчеловечные поступки великого князя и его грешную жизнь и жестоко за это поплатившийся. Голова его была разбита в кровь, лицо разрезано острым краем камня, но он был еще жив, и из груди его вылетало прерывистое дыхание, доказывающее, что душа смелого обличителя княжеских пороков не успела еще разлучиться со своею земною оболочкой.

III

Долго лежал в состоянии полного беспамятства Федор-торжичанин, испытывший на себе всю тяжесть княжеского гнева. Веки его глаз были опущены, как у мертвого, лицо покрыто синеватою бледностью, руки беспомощно раскинуты крест-накрест; только слабое дыхание, колебавшее его впалую грудь, доказывало, что он еще не покинул сей бранный мир и что князь Василий Дмитриевич не сделался его убийцею.

В Москве Федора-торжичанина знали многие; бояре и купцы любили и почитали его как «блаженненького, юродивого человека», ведущего праведную жизнь, но юродство его было совсем особенное: он не представлялся полоумным, «тронутым» человеком, подобно другим юродивым, не говорил притчами и загадками, а прямо обличал того или другого во грехах его, прямо указывал на то, в чем состоял грех, и требовал возможного исправления. Одежду он носил всегда одну и ту же – ветхую, дырявую сермягу, похожую скорее на решето, чем на одежду; под сермягою была длинная холщовая рубаха, свешивавшаяся ниже колен, и ворот этой рубахи он всегда наглухо застегивал, точно боялся показать людям свое тело. Некоторые догадливые москвичи говорили, что Федор носит вериги и старается скрыть их, но сам Федор решительно отвергал это и говорил, что «не ему, псу смердящему, убивать плоть свою таким образом, как делали это истинные подвижники Божии». Не один купец предлагал ему теплую одежду и обувь, потому что Федор ходил в своей дырявой сермяге и босиком и зимой и летом, но «блаженненький» не принимал ничего и советовал отдавать все нищей братии, а сам довольствовался кусочками хлеба, которых собирал ровно столько, чтобы не умереть с голода. Пристанища у него никакого не было: не в его обычае было ночевать под теплым кровом, и только в редких случаях проводил он ночи в церковных сторожках, снисходя к просьбе добро-сердечных пономарей, желавших сохранить его от стужи. В «каменном городе», или Кремле, он никогда не бывал, по крайней мере, его ни разу не видели там, а почти всегда расхаживал по улицам, прилегающим к Кучкову полю, где на одном месте начал даже устраивать какой-то странный помост из попадавшихся бревен и досок, а на вопросы: для чего он это делает? – отвечал:

– Место почетное уготовляю. Прибудет сюда гостя великая, знаменитая, мир и спасение. Она принесет, а никто не заботится о достойной встрече Ее! Позабочусь хотя я, убогий. Не в грязи же Ей остановиться!

– Да какая гостя-то? – допытывались любопытные, зная, что Федор-торжичанин ничего спроста не сделает. – Скажи, сделай милость, дедушка. Ведь ты не любишь загадками говорить.

– Не люблю я морочить людей православных, но не пришло еще время для сего, – качал головою юродивый и продолжал устраивать свой помост, похожий, скорее, на детские игрушечные домики, нежели на что-либо серьезное.

– Чудный, мудреный дедушка! – улыбались добродушные москвичи и оставляли в покое «блаженненького», не желавшего объяснить, о какой именно госте у него речь шла.

Несмотря на свою популярность среди простого народа московского, Федор появился в стольном граде сравнительно недавно. Произошло это таким образом.

В 1392 году, ровно три года назад, московский митрополит Киприан ездил из Москвы в Новгород с важным делом духовным. Было так не столь давно, что новгородцы обращались к митрополиту московскому в делах судных, то есть представляли на его суд свои жалобы друг на друга, имевшие важное значение; при этом они платили «судную пошлину», составлявшую большое подспорье в обиходе владыки, но год за годом подобный обычай забывался и наконец прекратился окончательно, будучи признан новгородцами за нечто унижительное для их дорогой вольности. Митрополит решил восстановить этот обычай и прибыл в Новгород с целью вытребовать от новгородцев «судную грамоту» или обязательство относиться к нему в судных

делах, но свободолюбивые новгородцы решительно отказали ему в этом и заявили, что они клялись не зависеть от суда митрополитов и написали даже грамоту в таком смысле. Подобный отказ весьма огорчил владыку, и он уехал в Москву очень недовольный новгородцами, но, конечно, ему и в голову не приходило того, что его неудачная поездка повлечет за собою большое кровопролитие.

Случилось так, что великий князь Василий Дмитриевич тоже нашел причину немалую гневаться на Новгород. Когда-то – в 1386 или 1387 году – новгородцы платили так называемую «народную дань» отцу его, Дмитрию Ивановичу Донскому, а затем почему-то дань эта была забыта и новгородцы не признавали себя обязанными ее платить. Тогда великий князь, не имея никаких оснований требовать «народной дани» с Новгорода, обрадовался встретившемуся предложению вступить «за честь митрополита» и, почти против воли последнего, предъявил к новгородскому вечу такое требование: или признать митрополита московского судиею в делах гражданских и, кстати, платить ему, великому князю, народную дань, или же потерпеть «великое разорение». Новгородцы, разумеется, отказались удовлетворить требование князя, и Василий Дмитриевич выполнил на деле свою угрозу. С наступлением 1393 года полки московские, коломенские, звенигородские и дмитровские, предводительствуемые братом великого князя Юрием Дмитриевичем и дядею его, князем Владимиром Андреевичем, взяли Торжок, входящий в состав новгородских владений, и объявили его присоединенным к Московскому княжеству. Торжичане не противились великокняжеским воеводам, но когда московская рать, разорив несколько новгородских областей и набрав множество пленников, обратилась вспять, не решившись приступить к самому Новгороду, в Торжке вспыхнуло возмущение. Новгородцы подослали лукавых людей «бунтовать Торжок», и торжичане зашумели на вече. Началась ссора между сторонниками московского князя и горожанами, расположенными к новгородскому правительству, и в происшедшей свалке был убит влиятельный боярин, именем Максим, весьма любимый князем Василием Дмитриевичем. Это ужаснуло всех, но было уже поздно поправлять «ошибку». Никто не желал убийства, немногие были виновны в нем, однако юный государь московский велел воеводам снова идти на Торжок, разыскать виновников убийства и представить их в Москву.

Приказание было немедленно исполнено. Воеводы захватили в Торжке семьдесят человек, не разбирая, кто прав, кто виноват, и скованными привезли их в Москву. Начались суд и расправа. Напрасно несчастные торжичане молили о пощаде, доказывая, что они не виновны в убийстве боярина Максима, великий князь слушать не хотел их оправданий и, по совету бояр, присудил их к смертной казни через четвертование. Осужденных вывели на площадь, народу собралось множество, палачи принялись за свое дело. Человек за человеком выводились осужденные на особый помост, перекрестясь, ложились на доски, и палач отрубал им сначала правую руку, потом левую, потом ноги и, наконец, голову!..

Зрелище было ужасающее. Немногие могли смотреть на это, и к концу казни ни одного любопытного не оказалось вокруг: все рассеялось по домам. А дьяки и тиуны великокняжеские кричали: «Так гибнут враги-недрузи государя московского! Взирайте, православные, и уразумейте!..»

Ужас обуял москвичей. Никогда они не видали такой жестокости. Разве только татары неистовствовали так... А великий князь торжествовал: он покарал непокорных! Однако, несмотря на общий страх, наведенный подобною казнью, в тот же день, вечером, по улицам Москвы сиротливо ходил седенький сморщенный старичок, с непокрытою головою и босой, облеченный в дырявую сермягу, и говорил во всеуслышание:

– Море, море крови! Захлебнуться можно!.. Кровь, везде кровь! Все неповинная кровь!.. Именитые бояре и воеводы кровью забрызганы: на ином много крови, а на ином только капелька... А все ж на многих есть кровь! А на князе великом, на юном Василии свете Дмитриевиче, крови больше всех! И лику его не видно из-под крови! Полюбил дюже князь великий

кровь человеческую: и пьет ее, и обливается ею, и других заставляет пить! О, горе, горе ему, грешному, и всем горе, и мне, убогому, горе!.. Не минует жестокосердных и нечестивых карающая десница Божия!..

– Молчи, неразумный! – останавливали его сострадательные люди, понимавшие, что о таких делах говорить громко нельзя. – Не тебе судить великих мира сего! Над ними Судья один Бог! А ты что за человек проявился? Отколева?

– Я человек убогий. А родом я из Торжка-города, над коим разразился гнев князя великого. А зовут меня Федором...

– Зачем же ты прибыл сюда?

– Бог привел меня, добрые люди, Бог привел. Пришел я сюда следом за неповинными страдальцами и муки ихние видел, а теперича по стольному граду ходить стану и совесть в людях пробуждать...

– Да ведь казнит тебя князь великий, ежели узнает про речи твои! Не любит он, когда его осуждают...

– Тело мое во власти его, но душою Бог владеет, и не боюсь я владыки земного. Бог – мой покров и защита. Сохранит Он меня, недостойного, от зверя кровожадного...

– Ой, не говори так, брат Федор! – испуганно перебивали сострадательные, с опаской оглядываясь кругом. – Не следно уподоблять князя великого зверю кровожадному. Беду можешь нажить...

– Не та беда, что тело сокрушает, а та беда, что душу погубляет! – горячо возражал Федор, не страшившись гнева княжьего, и продолжал говорить обличительные речи против государя московского Василия Дмитриевича и его приближенных, дававших своему повелителю недобрые советы...

Уже два года прошло с тех пор, а Федор-торжичанин не имел случая высказать великому князю своих мыслей. А люди московские, даже бояре именитые и чиновники великокняжеские, с которыми он часто встречался и которых смело обличал в их пороках, не передавали о нем Василию Дмитриевичу. Все москвичи считали Федора за праведного человека, за «блаженненького» и преклонялись перед его святостью, не обижаясь за резкие слова, а если и находились неверующие в его «доброумие», то это только люди легкомысленные, черствые сердцем, которые говорили, что «на дурака и сердать не стоит», и равнодушно проходили мимо него, не внимая укоризнам юродивого.

Однако настало время – и встретился Федор-торжичанин с великим князем Василием Дмитриевичем. Юродивый высказал последнему много горьких истин, и не сдержался юный властитель московский. Кровь забурилась в нем, сердце исполнилось гнева, – и пострадал выходец из Торжка-города за правду свою. Брошенный на кучу камней сильною рукою Василия Дмитриевича, лежал он теперь, бледный и неподвижный, под солнечным зноем, и долго бы, может быть, пролежал он, если бы не проехали мимо двое старых монахов Симонова монастыря на тряской телеге, которые увидели Федора и, укоризненно качая головами, подняли и положили его в телегу.

– Кажись, жив еще, – промолвил один из них, прикинув ухом к груди несчастного. – Сердце чуть слышно бьется. И кто его прибил так? Недобрый человек тот.

– Зла нынче много развелось на свете, зла много! – вздохнул другой, и телега двинулась дальше, увозя Федора-торжичанина, ничего не видевшего и не слышавшего.

В Симоновом монастыре, стоявшем на левом, возвышенном берегу Москвы-реки, в шести верстах от Кремля, звонили ко всенощному бдению, когда в монастырские ворота въехала телега с двумя иноками, подобравшими обеспамятевшего юродивого. Иноки ездили в митрополичье село Голенищево по повелению владыки Киприана, посылавшего их туда по какому-то делу, и теперь, возвратясь оттуда, внесли бедного торжичанина в обительскую стран-

ноприимницу, а затем поспешили к владыке, жившему в просторной келье, рядом с храмом Рождества Пресвятой Богородицы.

– Спаси вас Бог, братья. Спасибо, что по слову моему сделали, – сказал митрополит, когда старцы доложили ему об исполнении его приказа. – А в Голенищеве все ладно ли?

– Ладно, ладно, владыко. Все в мире обстоит.

– А поп Стефан не болеет уж?

– Поправился, владыко. Милосердный Бог помог. В сии часы он о твоей милости заболел: как-то, дескать, владыка святой в Симоновом живет? Палаты митрополичьи, что в Кремле, не сразу мастера перестроят, а в Симоновом кельи теснее. С непривычки то-де и трудно покажется.

– И то я, грешный человек, живу роскошно, – улыбнулся митрополит, поглаживая свою седую бороду. – Не такой бы труд для меня надобен!

– А потом сетует он, – продолжали иноки, почтительно выслушав слова Киприана, – почто-де владыко святой оставил в забвении Голенищево? Палаты-де твои святительские пусты стоят, и людишки твои верные о тебе плачутся...

Владыка опять улыбнулся. Подобное сообщение старцев доставляло ему удовольствие. Голенищево было любимое его село, куда он часто удалялся из Москвы, особенно в летнюю пору, и где проводил время в приятной тишине и уединении. В Голенищеве его все любили, начиная с попа Стефана и кончая последним смердом; в Голенищеве не существовало стеснительных церемоний в обиходе, как при великокняжеском дворе; не было там ни боярской спеси, ни чрезмерной раболепности второстепенных чиновников, ползающих «во прахе земном» перед тем, кто выше их, и задирающих нос перед низшими; не было и козней подпольных, чего владыка терпеть не мог, а была самая первобытная простота, мир и согласие. Митрополит, приезжая в Голенищево, делался как бы не важным лицом духовным, а простеньким старичком-иноком, к которому все шли со своими «докуками» и все получали желаемое. Киприан любил народ и народ любил Киприана, хотя последний и не был русским человеком по происхождению (он был серб), но народ ценил не происхождение, а доброту маститого святителя, и эта любовь народная особенно трогала митрополита.

Однако в описываемое время Киприан не мог покинуть Симонова монастыря, где у него происходили ежедневные совещания то с великим князем о делах государственных, то с приезжающими иногородними епископами о делах церковных. Он ответил словоохотливым инокам:

– Знаю, знаю, что любят меня в Голенищеве, но недосужно ехать туда. Дел много накопилось... А еще ничего не скажете вы?

Старцы переглянулись между собою, и один из них проговорил:

– А еще скажем мы тебе, владыко, что на дороге мы полумертвого человека подобрали и привезли...

– Где подобрали?

– На Кучковом поле, владыка, около рва, вновь устроенного. Голова его в кровь разбита и лик тоже в крови. Полагать надо, злой человек обидел его.

– Господи помилуй! – перекрестился митрополит. – Средь бела дня разбойство на Москве учиняется. А неведомо вам, что за человек он?

– Это человек юродивый, владыко. Нередко он бывал у нас. Зовут его Федором-торжичанином.

Лицо Киприана омрачилось.

– Федором-торжичанином, говорите вы? Знаю, знаю. Агнцу подобный человек. Не раз я говаривал с ним и уразумел, что он не от мира сего... Кто же обидеть его мог?.. Ах, Господи, Господи! На такого голубя чья-то рука поднялась!.. Ведите меня к нему. Где он? Нельзя ли помочь ему чем?

Митрополит торопливо надел на голову скуфейку, взял посох и вышел из кельи, сопровождаемый обоими старцами и молодым служкою, всюду следовавшим за владыкой.

Бесчувственный Федор-торжичанин, внесенный в монастырскую странноприимницу, был передан на руки инока Матвея, искусного врачевателя всяких болезней. Когда митрополит вошел в странноприимницу, Матвей уже перевязал голову юродивому, обмыл ему лицо водою и трудился над приготовлением какого-то пластыря, имевшего чудодейственную силу при заживлении ран.

– Что с ним? Оживет ли он? – с участием спросил Киприан, наклонясь над лицом раненого.

– Бог милостив, владыко святой, – отвечал Матвей. – Голова до крови проломлена, и плечо вывихнуто было, но перевязал я раны его и плечо поправил. А потом на раны пластырь наложу. Все как рукой снимет.

Митрополит кивнул головой.

– Добро, добро. А скоро ль очнется он?

– Кажись, скоро... Да вон уж открывает он глаза, смотрит... сказать что-то хочет...

Страдалец действительно очнулся. Веки его глаз затрепетали и поднялись; во взгляде его выразилось нечто вроде радости, когда он увидел Киприана. С запекшихся губ Федора сорвался шипящий полусшепот:

– Выйдите... выйдите все. Скажу я слово великое владыке милостивому. Благоизволь выслушать, владыка сердобольный.

Митрополит махнул рукою, и все вышли. Тогда Федор взглядом подозвал к себе Киприана, и когда тот наклонился к нему, он заговорил слабым голосом:

– Прости меня, недостойного, владыко. Утруждаю я слух твой. Но беда грозит земле Русской... Туча грозная из-за Волги-реки поднимается! Из-за каменных гор, из-за синих морей восстает на весь род людской страшный воитель! И воюет он не только царства христианские, но и татар, и турков не щадит... Никто не ждет его на Руси, а он как снег на голову нагрянет!.. Не гневайся на меня, владыко, я правду скажу: на Руси святой стон стоит от утеснений княжеских, от всяких прижимок боярских да от поборов алчных сборщиков! Не татарские баскаки ныне дань собирают, а русским людям не легче!.. Дерзнул я, немощный, сказать слово сердечное, не криводушное князю великому, а он меня наземь повергнул! Не любит он по-христиански жить... да Бог ему Судья! Не питаю я обиды на него...

– Так это князь великий обидел тебя? – воскликнул Киприан, пораженный услышанным от юродивого. – И как у него поднялась рука на человека убогого?!

– Бог ему Судья, владыко, – повторил торжичанин, говоря все тише и слабее. – Да Русь православную мне жаль: гибнет она, родимая, гибнет! Князь великий бражничает под праздник Господень... а враг наступает! Молись, владыко, Царице Небесной, всегдашней Заступнице нашей... Дохожа твоя молитва до Неба. Молись... молись! Страшный воитель идет из-за гор каменных...

Юродивый не договорил и смолк. Слабость овладела им, свет выкатился из очей – и он лишился чувств...

– Чудны дела Твои, Господи! – шептал владыка, выходя из странноприимницы, где оставался Федор-торжичанин под присмотром инока Матвея. – Устами убогого человека открываешь Ты будущее! Да, погрязли мы в грехах. Молиться, молиться нам надо. Но какой же воитель грядет? Не хан же Тохтамыш Кипчакский? С ним в дружбе великий князь состоит. Ужли Тимур Чагатайский? Слышать, у него воинство несметное и за тридесатью землями он живет. Неужли он ополчается?..

Киприан не успел дойти до церкви Рождества Богородицы, где он хотел отстоять всенощное бдение, как из Кремля во весь дух примчалась крытая повозка-каптана, и сопровождавший ее дьяк объявил, что «владыку милостивого» немедленно же просят пожаловать во дворец.

Киприан сел и поехал.

IV

Немного времени спустя после того, как взбешенный великий князь «учинил рукопашную расправу» над обличавшим его Федором-торжичанином, со стороны рязанской дороги въехали в Москву восьмеро запыленных всадников на взмыленных, шатавшихся от усталости конях и поскакали к Кремлю, оглашая воздух гортанным говором и криком.

– Татары, татары валят! – заговорили кругом, когда всадники втянулись в узкие улицы города. – И чего они торопятся так? Ишь, как гонят лошадей, плетками машут, галдят! Точно на пожар, право!.. Да это посол ханский, никак?

– Какой посол! – возражали другие, более знакомые с видом и дорожными обычаями монголов. – Это не посол, а гонец какой-то с товарищами. Послы не так ездят, с послами много людей наезжает. А тут только шестеро татар: двое-то, видишь ты, русские...

– А для чего это русские-то люди с татарвой сошлись? – недоумевали некоторые, не понимая возможности объединения неверных с православными.

– А для того и сошлись, что надо так. Это, полагать надо, рязанцы. А Рязань с Ордою дружит. Вот князь-то рязанский и дал их в проводники татарве поганой. Рязанцы завсегда татар до Москвы провожают...

Всадники неслись по улицам, и народ с любопытством глядел им вслед, строя догадки: откуда и зачем наехали татары, сопровождаемые двумя русскими?..

Вид татар, проскакавших, должно быть, не одну сотню верст без отдыха, был довольно жалок. Халаты на них протерлись и продрались во многих местах, шаровары на коленках дали трещины, откуда выглядывало грязно-бурое татарское тело. Лица татар, смуглые, скуластые, с узкими, косоразрезанными глазами и реденькими волосками на нижней губе вместо бороды, выражали полное изнеможение, но они еще, видимо, бодрились и лихо посвистывали на лошадей. Спутники их, рязанцы, были в обычном воинском наряде и имели менее изнуренный вид, хотя и на них отразилась утомительная дорога от рязанских пределов до московского стольного града...

Немного не доезжая до Кремля, рязанцы осадил коней. Остановились и татары. Рязанцы обернулись к ним и спросили ехавшего впереди татарина:

– Куда ж пристать нам, князь Ашарга?

– В Кремля! В Кремля! – Замахал тот руками, говоря на ломаном русском языке. – Я грамотка ханской везет!.. Я ярлык везет!.. Я гонец хана!..

– Ну, так и поедем «в Кремля», только какова-то встреча будет!.. – усмехнулся один из рязанцев и пустил своего коня к ближайшим кремлевским воротам, гостеприимно открытым настежь. Остальные последовали за ним.

– Стой! Куда? – закричали охранявшие ворота московские воины, решительно загораживая дорогу. – Что надо?

– Я – гонец хана Тохтамыша! – Ткнул себя в грудь князь Ашарга, важно подбочениваясь в седле. – Я ярлык ханская везет до князя Василия! Прочь с дороги!..

– Это посланец хана Тохтамыша Ордынского, князь Ашарга, – пояснили рязанцы, сурово поглядывая на москвитян. – Он грамотку ханскую привез, сиречь цидулку князю вашему... Проведите нас во двор княжий.

– Э, не спеши, прислужник прислужников ханских! – Тряхнул головою старший из воинов, не упустивший случая кольнуть рязанцев «прислужничеством» их перед татарами. – Пospешишь – людей насмешишь, есть пословица. Перед татарвой мы не больно-то трухаем...

– А ты не кобенься! – рассердился рязанец постарше. – Видали мы вашего брата!.. Князь Ашарга по важному делу приехал. Дома ли князь великий?

– Може, дома, а може, и нет! – Не терял своего заносчивого вида москвитянин. – Не жалуют нынче у нас татарву некрещеную. Москва – не Рязань богопротивная.

– Москва Рязани не указка! – отрезал рязанец. – Наш славный князь Олег Иванович не щедротами московскими живет. И мы от Москвы благ не видим... Веди скорей нас на княжий двор...

– Не спеши, не спеши, птица рязанская! И поважнее люди у нас по суткам у кремлевских ворот стоят! А татарва поганая да рязанщина богопротивная и подавно постоит!..

– А и чванлив же ты, пес подворотный! – выругался рязанец, выведенный из себя спесью московского воина. – Не по разуму зазнался ты! А того и в голову твою не вмещается, что не всегда чванство к поре!.. Беда грозит земле Русской! Тьмы воинств неведомых ополчаются на Орду Кипчакскую, а с нею и на княжества русские! Князь Ашарга грамотку об этом привез. А грамотку эту нужно немедля же передать вашему князю московскому! Понял ты, голова дурья?

Москвитянин вытаращил глаза.

– Тьмы воинств неведомых, говоришь ты?.. На княжества русские ополчаются?.. Да, может, на Рязань только, а не на Москву нашу?..

– А Москва-то чем же свята? Не лучше Рязани нашей!.. Да нечего растабаривать с тобою! Веди нас на княжий двор... Не толкуй, чего не подобает, а веди. Там разберут.

– Веди нас к княжей кибитка... веди! – горячился и ханский гонец, оскорбленный московской непочтительностью. – Гайда, москов! Как можно под ворота стоять! Честь хана великой... честь нада давать! Кынязь Василь – дружба хана... Честь хану отдавай!..

– Неведома для нас, какая честь хану подобает, а свести вас на княжий двор – сведем, – вымолвил наконец москвитянин, убежденный более известием о «тьмах воинств неведомых», а не доводами рязанца и криком князя Ашарги. – Мне что? Мне все едино... Слезайте, что ль, с коней-то. У нас ворота сии только князь великий да бояре и люди служилые на конях проезжают. А вы и пешком пройдете.

– Как пешком? Я не пешком хадить! – запротестовал гордый татарин, не ожидавший ничего подобного, но старый рязанец незаметно толкнул его под бок и прошептал по-татарски:

– Смирись, князь Ашарга. На Москве невзгодье Орды чуют, вот и задирают нос кверху. На Москве лукавые люди. На Москве так: куда ветер, туда и москвитяне! Смирись!..

– О, шайтан! – пробурчал себе под нос ханский гонец и начал слезать с седла, кидая по сторонам свирепые взгляды.

– Вот так-то лучше будет! – насмешливо улыбнулся москвитянин и переглянулся с товарищами, с злорадством наблюдавшими за тем, как исконные враги и угнетатели земли Русской исполняли их приказание.

Да, отходило, видно, время раболепного преклонения перед ханами Золотой Орды. Положим, могущество ханов было еще значительно: в 1382 году хан Тохтамыш разгромил Московское княжество, причем были разграблены и сожжены города Москва, Владимир, Звенигород, Юрьев, Можайск, Дмитров, Серпухов, Коломна и другие; было также разорено и Рязанское княжество, хотя князь Олег Рязанский и считался союзником Тохтамыша, – но Куликовская битва у всех оставалась в памяти, и победа Дмитрия Ивановича Донского над Мамаем показывала, что монголов еще можно побеждать, если действовать единодушно и решительно. В 1383 году сын Донского, Василий Дмитриевич, по поручению отца ездил в Орду для засвидетельствования перед Тохтамышем «покорности московского великого князя»; при этом было установлено, что баскаки ордынские снова станут разъезжать по Русской земле и собирать вновь назначенную тягостную дань. Особенно дань эта была обременительна для крестьян-земледельцев. Например, с каждой деревни, состоящей из двух или трех дворов, брали полтину серебром, что было по тому времени немалою суммой; с городов требовали и золото. В довершение горя, княжича Василия Дмитриевича вместе с сыновьями князей тверского и нижего-

родского удержали в Орде в залог того, что дань в количестве восьми тысяч рублей² будет своевременно уплачена русскими владельцами, и Русь на короткое время опять очутилась в ненавистном рабстве. Но это скоро прекратилось. Через четыре года юный Василий Дмитриевич бежал из Орды, в 1389 году отец его, князь Дмитрий Иванович, скончался и московским великим князем был провозглашен Василий Дмитриевич. Не сразу новый великий князь стал в неприязненные отношения с Ордою, в 1392 году он даже ездил в ханскую столицу Сарай на свидание с Тохтамышем, но тогда уже началась война между Тохтамышем и Тамерланом, и монголам Золотой Орды стало не до русских. В необозримых степях нынешней Астраханской губернии произошло кровопролитное сражение между потомками Чингисхана, и Тохтамыш был разбит наголову Тамерланом, сокрушившим в один час могущество Золотой Орды. Это случилось в том же 1392 году, через месяц после отъезда великого князя из Орды, – и так как грозный завоеватель Тамерлан удалился в свою столицу Самарканд, а Тохтамыш занялся новым сбором войска для продолжения войны со своим врагом, то Москве уже ничто не угрожало и она «подняла нос кверху», как выразился рязанец. Оттого-то теперь ханского гонца Ашаргу и встречали так, а это были еще простые воины. Чего же можно было ожидать от великого князя и бояр?! Татары кусали губы от злобы, но поделаться ничего не могли. То же было и с рязанцами. Князь рязанский Олег не раз ополчался на Москву, и Москва, в свою очередь, не раз мстила Рязани, ввиду чего рязанцы и москвитяне сильно недолюбливали друг друга. Не примирила враждующие стороны и женитьба старшего сына Олега, Феодора, на княгине московской Софии Дмитриевне (сестре Василия Дмитриевича): Москва помнила частые измены Рязани русскому делу и примириться с нею не могла.

– Ну, идите, что ль? – по-прежнему грубо крикнул старший из московских воинов, когда татары и рязанцы спешили. – Лошади ваши у места будут. Не бойтесь. Не польстимся мы на ваших кляч...

– Эх, сказал! – не утерпел молодой рязанец. – Да у вас таких-то коней и не видавали! Не сумеете вы и сесть на наших кляч: не по рылу калач, стало быть!..

– А ты не галди через меру-то! Не в Рязани ты, а в Москве! – покосился на смельчака москвитянин, но потом ничего не сказал и молча повел приезжих к великокняжескому дворцу.

На дворцовом крыльце ханского гонца встретил очередной дьяк и, не кланяясь ему, не справляясь о здоровье, спросил, ради чего он прибыл в стольный град Москву. Узнав, что Ашарга привез грамоту Тохтамыша, повел его во внутренние покои дворца, а спутников его велел отвести в земскую избу с приказом, чтобы там накормили и напоили их.

– А князь Василь в доме? – спросил Ашарга, проходя с дьяком по многочисленным переходам дворца.

– Дома князь великий Василий Дмитриевич, – степенно и важно отвечал дьяк. – Только сейчас уехал он... никак, в усадьбы боярские, подмосковные...

– А кто ж ярлык читай?

– А вот войдем в палату приемную, так увидим. Там князь Владимир Андреевич есть и двое бояр с ним – Александр Поле да Дмитрий Всеволож. Они разберут, что и как.

Татарин кивнул головой, и они вошли в приемную палату. При входе дьяк шепнул Ашарге: «Сними шапку-то», и тот нехотя повиновался. Но послушаться дьяка он не смел: слишком уж неприветливо принимали его в Москве и не хватало духу восставать в защиту своей азиатской чести. Ашарга втайне бесился. Какой строптивый народ эти москвитяне, сладу с ними нет! Не далее как два-три года назад московский великий князь чествовал ханских послов как дорогих гостей; бояре перед ними чуть на коленях не ползали, а теперь – другим духом

² Рублями в то время назывались рубленные куски серебра, составлявшие часть гривны, денежной и весовой единицы в Древней Руси. С течением времени вес рубля уменьшался и уменьшался, и в княжение Дмитрия Донского и сына его Василия Дмитриевича рубль весил уже не более двадцати золотников. (Примеч. автора.)

понесло! Москва – коварная страна! Если силы у нее не хватает, она льстит, изъясняет покорность, а чуть почувствует силу, тогда сторонись с дороги! Берегись!.. Ашарга думал, что в дворцовой приемной ему придется вынести еще более горькие оскорбления, но он, к своему удивлению, ошибся.

– Вот, князь, гонец хана Тохтамыша Ордынского, – вымолвил дьяк, обращаясь к Владимиру Андреевичу. – Грамотку ханскую привез князю великому...

– От хана Тохтамыша? – с живостью воскликнул князь Владимир Андреевич, поднимаясь с лавки, где он сидел с боярами Поле и Всеволожем. – Чего ж пишет хан?

Ашарга стоял неподвижно, ожидая, как отнесется к нему дядя великого князя. Бояре сурово оглядели татарина с ног до головы, поглаживая для важности свои бороды, но князь Владимир Андреевич ласково кивнул головою ханскому посланцу, подошел к нему и, зная по-татарски, спросил на родном его языке:

– Как тебя по имени зовут, гонец ханский?

– Князь Ашарга, из почетной стражи хана великого, – отвечал татарин, не ожидавший такого ласкового обхождения.

– Так, буди здрав, князь Ашарга, – проговорил Владимир Андреевич, не отличаясь от природы ни горделивостью, ни грубостью в обращении. – О чем же пишет хан великий?

– Вот ярлык ханский, княже благородный, – подал Ашарга ханскую грамоту Владимиру Андреевичу, проникаясь к нему все большим уважением и признательностью. – Великий хан приказать изволил передать ярлык сей князю московскому Василию, а если не случится его, то ближним людям его. А славного князя Володимера знают и на Руси, и в Орде нашей. Сам великий хан Тохтамыш любит и чтит князя Володимера как брат брата...

– Да будет здрав и счастлив хан Тохтамыш! – в тон татарину ответил Владимир Андреевич и, приняв грамоту, поспешно распечатал и развернул ее.

– Читай, дьяче, – передал он ее дьяку, и тот начал читать громко и выразительно:

– «От Тохтамыш-хана, обладателя многих земель и народов, привет братский и поклон великому князю московскому Василию.

Ведомо тебе, княже, какую дружбу питаю я к тебе, и ты не враг мой, а посему упреждаю я тебя о беде великой, которая грозит улусам моим и твоим градам и весям. Три лета прошли с тех пор, как ты побывал в шатре моем гостем почетным, чествовал я тебя с сердечною ласкою и усердием, на княжение нижегородское ярлык дал, царевич Улан, посол мой, рассудил тебя с князем Борисом Городецким и получил ты просимую область. И вот прошли три лета – и подул ветер с другой стороны. Попущением Всемогущего Бога проявился в странах восточных хан самозванный, именем Тимур, или Тамерлан, собрал он воинство несметное и пошел на меня бранью. Но я не готовился к бранным делам, в мире жить со всеми было желание мое, однако встретился я с ним на поле ратном три года назад тому и – уступил ему. Но он, мятежный хан чагатайский, возомня себя превыше Бога Всемогущего, снова ополчился на страны мои, возгласил себя сагеб-керемом, что значит – владыка мира, и дерзнул грозить мне, что-де предаст державу мою ветру истребления. Сиим похвалам непристойно было внимать мне, истинному потомку Чингисхана и Батыя, и вот я сказал: иду на Тимура! – и пошел. Великий Бог всемогущ. Надеюсь на Его помощь! В день и час писания сей грамотки стою я со своими верными князьями, мурзами и батырями, со всеми бесчисленными тьмами воинств своих, в стране каменных гор, на берегу реки быстроструйной, а против меня стоит дерзостный Тимур – и готова решиться судьба одного из нас. Настал час крови и мести... Внимай мне, верный друг мой и брат, князь Василий! Никогда не обижал я тебя, и ты не перечил мне, а что было давно, при отце твоём князе Дмитрие, тому не пора ли забыть? И вот, говорю я тебе, и ближнему советнику моему, князю Володимеру, и митрополиту московскому Киприану, и всем князьям, боярам и воеводам земли Русской, страшитесь самозванного хана Тимура, не слушайте льстивых речей его, если пришлет он послов, и собирайте дружины свои, выступайте к рекам

Волге и Оке на защиту своих жен и детей и достояния своего, ибо неведомо, кто победит: я или Тимур? А если постигнет меня гнев Божий, если Тимур поборет меня, уповаю я на дружбу твою, князь Василий, и ты поможешь мне, ибо никогда я не утеснял тебя. Собирай же дружины свои, брат мой и друг, князь Василий, и все князья русские, и не страшны для вас будут тьмы воинств мятежного хана Тимура Чагатайского.

Бог великий и бессмертный, что на Небесах, благословит все деяния ваши. А я желаю тебе вожделенного здоровья и жизни счастливой. Не мешкай же, друг мой и брат, князь Василий!...»

Дьяк дочитал и смолк. Князь Владимир Андреевич взял грамоту из рук читавшего, внимательно осмотрел подпись и печать ханскую и пробормотал:

– Да, грамотка не облыжная. Тамга и рука Тохтамышева... Неужто не чаает он управиться с Тимуром? Оттого и сладок больно: другом и братом князя великого называет. А Тимура бояться надо...

Он помолчал немного и, вертя грамоту в руках, спросил у гонца:

– Так, значит, великий хан Тохтамыш на поле брани против Тимура стоит?

– Истинно так, князь. Только река промеж них была.

– И готовился он битву затеять?

– Без битвы не отступит он. Не таков пресветлый хан, чтоб устрашиться Тимура дерзостного. На то он и пошел в страну каменных гор³, чтобы встретить врага своего. Оттуда и приехал я, только сутки в Рязани прожил. Не один десяток коней загнал... Где же князь великий Василий?

– За город куда-то отбыл. Ступай, дьяче, поспрошай: не вернулся ли в Кремль княже великий? Грамота-де важная есть, доложь. Совет держать надо. А ты, князь Ашарга, следуй за дьяком, отведет он тебя в земскую избу для жилья и отдыха. Да смотри, дьяче, чтоб никто не утеснял татар; повадка эта у вас есть. Чтобы пальцем их никто не тронул. Слышишь?

– Будет исполнено, княже, – смиренно поклонился дьяк и, шепнув Ашарге: «Айда, князь!» – хотел выйти с ним из палаты.

В это время в сенях послышался какой-то шум. Раздались торопливые шаги, и в палату не вошел, а вбежал боярин Федор Константинович Добрынский, ведя кого-то за руку.

– Вот новый гонец, княже, – заговорил он, выталкивая вперед рослого молодого воина с приятным русским лицом, покрытым густым слоем загара и пота. – От князя Олега Рязанского. Послал князь Олег грамотку... вдогонку за посланцем ханским...

– Чего еще? – беспокойно спросил князь Владимир Андреевич, вскакивая с места. – Неужто о Тимуре что?

– О нем самом, княже. Вот грамотка князя Олега, изволь прочесть... Победил Тимур Тохтамыш, на Русскую землю идет... В Рязань татарин прискакал с побоища... говорит, все пропало – Тохтамыш в бегах, а Тимур за ним по пятам! Вот князь Олег и упреждает нас...

– Ах, Господи! Опять беда! – воскликнул Владимир Андреевич и, прочитав грамотку Олега, обратился к трем другим дьякам, вошедшим в палату вместе с Добрынским – Третьяк! Лобан! Пошлите вершников за князем великим... сами скачите! Немедля зовите его во дворец. Нельзя мешкать ни часу... Зовите на совет бояр ближних... А ты, Косяк, живым духом в Симонов слетай и проси владыку-митрополита. Мудр и рассудителен святитель, вникнет умом своим светлым в дело сие. Да ты каптану захвати, чтобы без замешки было.

– Слушаем, княже, – почтительно отозвались дьяки и сразу исчезли из палаты, бросившись исполнять приказание.

А бедный князь Ашарга, услышав потрясающую новость о поражении своего хана, изменился в лице, задрожал и уже не помнил, как очутился в дворцовых переходах, как сошел с

³ То есть с нынешнего Кавказа. (Примеч. автора.)

крыльца, как перешел через широкий двор, и очнулся только в земской избе, куда его привели два воина по приказанию великокняжеского дьяка и бесцеремонно втокнули в дверь.

– Пропала Орда!.. Пропал хан! – со слезами на глазах бормотал татарин, нелюбезно любивший свой народ и своего хана, и не сразу его спутники, ждавшие его в земской избе, поняли, о чем толкует ханский гонец и о чем он сокрушается, будучи еще недавно таким задорливым и смелым перед русскими.

Но недоумение их скоро разрешилось. Ашарга объяснил, в чем дело, – и непритворное горе и отчаяние овладело сердцами диких сынов степей и равнин, понимавших, какая страшная опасность угрожает их родным улусам, женам и детям при нашествии полчищ единоплеменного, но враждебного им Тимура, или Тамерлана.

V

Никогда великий князь московский не бражничал с такою беспшибашностью, как вечером этого дня в Сытове, накануне праздника Господня, угощаемый удалым Сытой. Мед и брага не действовали на Василия Дмитриевича, раздраженного укорами Федора-торжичанина, понесшего уже кару за свою смелость, и гостеприимный боярич вытащил из темных погребов не одну «посудину» с заморским вином, благо отец его, новгородский наместник Евстафий Сыта, имел возможность получать подобные «пития» непосредственно из рук немцев. В Новгороде в то время процветала торговля с купцами иноземных городов Любека, Риги, Дерпта, Ревеля и других, было немало голландцев, торговавших предметами роскоши, – и наместнику великокняжескому нетрудно было доставать заморские редкости, не виданные даже в самой Москве.

– Эх, други мои, – оживленно говорил Василий Дмитриевич, развеселяясь под действием крепких вин, – и пью я напиток хмельной, и в голове сильно шумит, и на сердце веселей становится, а все напиться не могу! Еще и еще надо!.. А ты, брат Сыта, насылил мне всего, когда в Сытово звал, а приехали в Сытово – ничего, кроме зелий хмельных, нет! Не годится так делать, друже!..

– Кажись, от чистого сердца угощаю. Ничего не жалею я, чтоб угодить твоей милости, княже. А ежели не хватает чего, то не прогневайся: значит, нет того во всем Сытове нашем...

– Подлинно ли нет, брат Сыта?

– Нету, государь. Если б было, не жалел бы я...

– Э, полно, друже! Не жалеешь ты, а запомятовал, верю я. А вспомни-ка, о чем ты говорил, когда звал сюда.

Боярич хлопнул себя рукою по лбу и воскликнул:

– Ах, батюшки! У меня и из головы вон. А вы, други сердечные, и не надоумите, – обратился он к Всеволожу и Белемуту, составлявшим совместно с хозяином интимную компанию великому князю. – Опалу на нас наложит государь...

– А следует! – смеялся Василий Дмитриевич, хлопая по плечу Сыту. – В другой раз неповадно будет!..

– Повинную голову меч не сечет, – промолвил Белемут, присоединяясь к хохоту великого князя. – А ты, Михайло Евстафыч, познал вину свою. Ну, и простит тебя княже великий...

– А нас и подавно! – перебил Всеволож, ездивший в Кремль по поручению Василия Дмитриевича. – Княжье милосердие что Божие терпение – долго надеяться на него можно. А вот как батюшка мой, боярин именитый Дмитрий Александрович Всеволож, на меня поглядит – не ведаю. Коли узнает он, что под праздник я бражничал, беда спине моей! Походят по ней руки батюшкины, а не то и плетка ременная...

– Не бойся, Сергей, бражничай, коли сам великий князь московский бражничает! – лихо передернул плечами Василий Дмитриевич и пополнил объемистые «достоканы» дорогим немецким вином. – Праздник сам по себе и мы сами по себе! Бери и пей, Сергей, и ты, Белемут, пей. Пейте, братцы! – крикнул Василий Дмитриевич Всеволожу и Белемуту и опрокинул в рот свой достокан. – Не все же тосковать-горевать. На все пора своя есть. А нынче тихо кругом: ни татарва, ни литва не шевелятся. Тохтамышу теперь не до нас: с Тимуром Чагатайским связался, а Витовту совестно на зятя своего оружие поднимать: все-таки свойственник как-никак!.. Нынче-то и погулять мне, а там когда еще удастся...

– Только бы Тимур Чагатайский на Русь не пошел, – осторожно заметил Белемут, выпивая свой достокан и вытирая губы. – А прочее все благо...

– Не каркай, как тот юродивый! – нахмурил брови Василий Дмитриевич, стукнув кулаком по столу. – Тимур с Тохтамышем грызется, ну и пусть их! Чтоб им друг друга загрызть! А наше дело сторона...

– Да я не к тому, княже... Я не каркаю. Боже меня сохрани...

– Ну, ладно, ладно. Нечего лясы точить. Пойдем лучше в сад.

В саду уже собирались девушки, согнанные слугами Сыты. В Сытове жили зажиточно, даже богато в сравнении с другими селениями, потому что Евстафий Сыта не обижал крестьян, и девушки были в ярких праздничных нарядах, с разноцветными лентами в косах, слегка развеваемыми ветром. Боярич строго-настрого приказал, чтобы все приоделись «как в Пасху Христову», и послушаться его приказа никто не решился.

– А! – широко улыбнулся Василий Дмитриевич, выходя на крыльцо с бояричами и увидев в саду девушек, сбившихся в нестройную кучу. – Ну, спустимся к ним. Попросим песенку спеть да пляску сплясать. Авось не откажут, коли я попрошу. А ты, Михайла, – хлопнул он по плечу Сыту, суетливо подбегавшего к нему при появлении на крыльце, – похлопochи, чтоб хмельное зелье не убывало. И стол и скамьи чтоб были в саду! Чтоб могли мы на красавиц взирать и пиво-брагу пить... то бишь вино заморское! Пиво-брагу пить завсегда успеем, есть этого добра на Руси, а вино заморское нечасто приходится видеть. А у Евстафия Сыты вин заморских не перепить!..

– Верно изволил молвить, княже, – ухмыльнулся Сыта. – Батюшка мой целыми обозами вина заморские из Новгорода привозил... Похлопochу уж я, государь, не сумлевайся.

Сыта остался в доме отдавать приказания слугам, чтобы в сад были вынесены стол и скамьи и до десятка объемистых посуды с немецким вином, до которого был такой охотник Василий Дмитриевич.

Солнце уже склонилось к западу и бросало свои прощальные лучи на землю, обливая золотом верхушки деревьев и крыши боярского дома и крестьянских изб, составлявших село Сытово. В воздухе разливалась прохлада; дневной зной спал, и легонький ветерок реял по саду, освежая разгоревшееся лицо великого князя. В голове последнего и мысли не было о том, что завтра праздник Христов, а следовательно, не бражничать, а молиться надо, как это предписывала церковь. Встреча с Федором-торжичанином тоже была забыта. Хмель чем дальше, тем больше и больше разбирал Василия Дмитриевича. Сыта шепнул ближайшей девушке, по-видимому всегдашней запевале в хороводных играх: «Затягивай, Дуня! Выручай! А не то разгневается княже. А грех я на себя принимаю», – и Дуня затянула, и старинная славянская песня звонко разнеслась в воздухе, заставив притихнуть и великого князя, и бояричей...

– Стой! Что это? – Встряхнул головою Василий Дмитриевич, услышав протяжный звук где-то поблизости, за садом. Песня мгновенно прекратилась, и в воцарившейся тишине слышно стало, как звонит небольшой колокол на местной церкви, призывая христиан к вечерне.

– Гей! Не в пору звон, что не в пору гость – хуже татарина, – пробормотал великий князь и, подозвав к себе Сыту, сказал ему на ухо: – Слышь, брат: сделай так, чтоб звону сего – ни-ни... не было! Вечерня не большая беда. Вечерня – не обедня. Пускай поп ваш не звонит... Не хочу я. Понял?

– Как не понять, княже, – вкрадчиво ответил боярин и быстро удалился из сада. Звон вскоре прекратился. Сыта снова появился перед великим князем, и снова начались песни, а затем и пляски, хотя девушки пели и плясали неохотно, единственно повинаясь приказу господарскому.

Скоро наступила ночь. Солнце медленно скрылось за горизонтом, и на небе показалась луна, озарив своим бледным светом притихшую землю. На Руси ложились спать рано, с заходом солнца, и, наверное, в эту ночь мало нашлось бы таких городов и селений, в которых бы шумели и пировали так, как в Сытове. Народ свято чтит праздники Христовы и накануне их не позволял себе никаких игр и развлечений. Но в Сытове было не то. Запретивши даже звонить к вечерне ради того, чтобы звук колокола не мешал слушать песни, великий князь несколько

раз вскакивал с места, становился в хоровод и откалывал лихие коленца, заставляя плясать и боярских сыновей Сыту, Белемута и Всеволожа.

До полуночи Василий Дмитриевич оставался в своей компании. Но попойка этим не ограничилась. Боярыч Сыта усердно подливал вино в достоканы своего высокого гостя и его собутыльников Всеволожа и Белемута, не забывая и самого себя, и хмельное зелье лилось рекою. Все были сильно пьяны. Однако великому князю снова показалось скучным бражничать в сообщничестве одних бояричей, и он спросил Сыту заплетающимся языком:

– Слышь, брат... того... нету ли у тебя сказочника, что ль? Сказку аль былину послушал бы я... а?

– Есть, государь, – с готовностью отозвался Сыта, не без труда становясь на ноги. – Сказитель изрядный есть. Зело затейливо былины рассказывает. Только, не обессудь, новгородец он... про Новгород былины поет. Может, не по нраву придется твоей милости?

– Про Новгород... Что ж? Ничего. Урезал я крылья у Новгорода прегордого... Пускай поет и про Новгород. А гусли есть у него?

– Есть, государь. Мастер он на гусях играть и былины петь. А былины у него все про новое, про удалую новгородскую вольницу.

Сыта сказал два слова стоявшему неподалеку холопу, и тот исчез из сада, пустившись во всю мочь к боярскому дому. Через пять минут перед великим князем уже стоял высокий седой старик, с широкою могучею грудью, с смелым взглядом зорких темно-серых глаз, в хорошем синем армяке, и отвечивал низкие поклоны.

– Пой, старик... и на гусях играй! – буркнул Василий Дмитриевич, опуская на руки отяжелевшую голову. – Если угодишь – сто алтын, а не угодишь – сто плетей! Ладно ли?

– Постараюсь угодить твоей милости, княже великий, – без всякой робости отвечивал новгородец и, настроив гусли, запел под гуслирный звон:

Как у нас-де было во Новегороде,
У Ивана Предтечи на Опоках,
На широком дворище Петрятине,
На тоем ли на славном торговище,
Что у тех ли весов, у воцанных,—
Не два кречета тут да вылетывали,
Двое молодцов их да погуливали!
А один-то на имя Прокофьюшко,
А и другой словет он Смольнянином.
А гуляючись добры те молодцы,
Что желтымя кудерки потряхивают,
Молодых-те робят призодаривают...
Синю морюшку ведь на утишенье,
Тому славному морю Хвалыньскому!..

.....

А великому князю московскому,
А Василию свет да Димитревичу,
А и светлому ликом, как солнышку,
А още ведь вельми милостивому,
А на Русской земле царю сущему,
Осударю-князю в каменном Кремле —
Рассказал я былину в забавушку,
На его утешение княжеское.
А и будь же ты милостив, князь-государь,

Не клади на меня гнева лютаго,
Не вели сто плетей в спину всыпати,
А изволь сто алтынными пожаловать.
А ведь я ж былину про былое сказал,
Про былое удалство ушкуйничков.
А уж если что молвил я с глупа ума,
Так за это за все прости, княже, меня.
А и стану я ввек тебя славить,
Тебя славить, возвеличивати,
Разносить твою славу по Русской земле!..

Долго пел старик: про пиры и молодеческие игры в вольном Новгороде, про удаль новгородских ушкуйников – разбойных людей, про то, как пленил и рубил им буйны головы татарский князь астраханский Салтей Салтеевич. Наконец новгородец поклонился и смолк. Гусярный звон прекратился. Благозвучные слова народной былины, видимо, понравились великому князю, и он, подняв голову, произнес:

– Не с глупа ума ты былину сказал. Вельми доволен я тобою. Одно лишь не по нраву мне: сии ушкуйнички ваши. И похвально учинил Салтей, что всем им головы порубил. Одначе чего мне толковать с тобою? Обещал я тебе сто алтын и не отрекаюсь от слов своих. Слышь, Сыта, наутрие выдай ему сто алтын, а потом из казны моей получишь. Ступай, старик.

– Бог да хранит тебя, княже великий! Не оставил ты раба своего милостью княжью! – Низко поклонился новгородец и, незаметно ухмыльнувшись в бороду, повернулся и пошагал в ту сторону, откуда пришел.

– А, други... слышите... что это? – Обернулся великий князь к бояричам, уловив своим чутким слухом какой-то шум за боярским домом. – Слышите!.. Кажись, скачет кто-то?..

– И то, скачет, – встрепнулись бояричи, почему-то обеспокоившись от слов Василия Дмитриевича. – Кто бы это мог быть?..

Опьянение великого князя и его собутыльников было полное, но, обладая здоровыми натурами, они не потеряли образа и подобия человеческого, ясно сознавая все происходившее вокруг. Месяц ярко сиял на небосводе, и при свете его они увидели, как к садовой ограде подскочил какой-то человек на добром коне, как он спрыгнул с лошади и громко спросил кого-то:

– Здесь ли княже великий?

– Здесь, здесь, – ответил кто-то, и приехавший человек ловко перепрыгнул через ограду, бегом подбежал к столу, за которым восседал Василий Дмитриевич с бояричами, и, сняв шапку с головы, заговорил:

– Гонец прибыл, государь. Рязанский князь прислал. И пишет князь рязанский, что страшный воитель идет на землю Русскую... Идет Тимур Чагатайский. А с ним воинство несметное...

– Врешь, врешь, Третьяк! – крикнул Василий Дмитриевич, узнав в приехавшем человеке своего дьяка. – И Олег Рязанский врет! Загрызет Тохтамыш Тимура... Не добратся Тимуру до нас...

– Идет Тимур на землю Русскую, – настойчиво повторил Третьяк, говоря резким взволнованным голосом. – Тохтамыш в бегах перед ним! Тохтамышево воинство по ветру развеяно Тимуром... Открыта дорога на Русь...

Великий князь привскочил на месте. Куда и хмель девался! Из груди его вырвалось хриплое восклицание:

– Тохтамыш в бегах? Тохтамышево воинство развеяно?... Да полно, правда ли это?

– Истинная правда, государь! – Даже перекрестился дяк для вящего убеждения великого князя. – Изволь отбыть в Москву, во дворец свой княжий. Давно уж ищу я твою милость, и многие вершники по усадьбам боярским разосланы – все тебя искать. Но вот и обрел я тебя, княже великий... Князь Владимир Андреевич в палате приемной сидит, и много бояр собралось, и сам владыка-митрополит прибыл. Совет держать хотят, тебя ждут... Не мешкай, государь!

– Коня мне! – крикнул великий князь и, обернувшись к Сыте, прошептал ему на ухо – Ну, брат, наказал меня Бог. Вот тебе на праздник бражничать! Не ложно говорил юродивый... А я его? О Господи! Такое сердце неумечивое!.. А знаешь что, прикажи сюда холодной воды подать: оболью я голову, и все как рукой снимет...

– Сейчас, государь, – отозвался Сыта, и вода тотчас же появилась перед великим князем. Последний вылил себе на голову чуть не целый ушат и, обтершись поданным полотенцем, сел на подведенного коня.

– Ну, едем, – кивнул он Третьяку и, как трезвый, твердо держась на седле, ударил в бока лошади краями острых серебряных стремян и быстро вынесся из Сытова, размышляя о новой напасти, готовой обрушиться на Русь в лице страшного завоевателя Тимура.

VI

– Эх, княже великий, – укоризненно качая головою, говорил митрополит Киприан великому князю, когда тот, перед утром уже, возвратился во дворец с ночной попойки, – непристойно ты жизнь ведешь! Не тебе, а самому последнему простецу-христианину не подобает делать так, а ты, великий князь московский, на воскресный день бражничаешь! Непростительный грех это перед Господом! А потом, убогих людей обижать? Грех, грех велий сотворил ты, чадо мое! А за грехи кара Божия неминуема!..

– Прости, согрешил, владыко, – потупил глаза Василий Дмитриевич, бывший под впечатлением известия о Тамерлане особенно смиренным и почтительным перед митрополитом. – Не хотел, не чаял я... да грех попутал...

– А греху противиться надо, – возразил Киприан. – На то и воля дана человеку, чтобы он грехам противился. А юродивого, сиречь блаженного, напрасно обидел ты. Он человек прозорливый. А ты его наземь повергнул!

– Сердце не стерпело мое. Вестимо, я неладно сделал, осерчал на укоризны его... но каюсь я во грехе своем, владыко. Прости меня, непотребного. Вперед не будет сего.

– А он человек прозорливый, – повторил митрополит, не без горечи заметив, что великий князь еще не совсем протрезвился. – Провидел он очами духовными нашествие Тимурово и мне о том предсказал. А потом и грамотка пришла от Олега Рязанского. Иди проспись, княже, и днем совет учиним. А теперь вижу я, бродит еще хмель в голове твоей. А хмельный разум куда как плох перед трезвым разумом. Вот тебе слово мое.

– Не могу я думать о сне, владыко, – возразил Василий Дмитриевич, который, несмотря и на хмель, желал тотчас же совещаться с боярами о мерах к предупреждению нашествия Тамерлана. – Дерзновенно воздвигается на Русь Тимур, и нужно о родной земле подумать. Довольно бражничал я... довольно беса тешил. Настал час испытания Божия – и отрину я все прелести мирские. Не время почивать тогда, когда на отчизну нашу страшный воитель ополчается. Не думай обо мне, владыко, что я совет держать не могу. Дух мой бодр и плоть здорова, а хмель из головы выходит. Сейчас же кликну я дьяков и прикажу дядю Владимира Андреевича призвать и всех бояр ближних и разумных, что дожидались меня, говорят, всю ночь напролет в палате приемной и только недавно разъехались. А ты, владыко святой, помоги нам спасение для родной земли измыслить.

Разговор этот происходил между великим князем и митрополитом в передней палате дворца, где приехавший с ночной попойки Василий Дмитриевич столкнулся с владыкой,ждавшим его долее всех и только уже перед благовестом к заутрене собравшимся в Кремлевский Успенский собор для служения Божественной литургии. Князь Владимир Андреевич и бояре разъехались, не дождавшись великого князя. Киприан не стал более настаивать, чтобы хмельной государь «проспался», видя, что тому действительно не до сна, и прошел из дворца в Успенский собор, а дьяки великокняжеские рассыпались из Кремля во все стороны – созывать ближних бояр-советников и князя Владимира Андреевича.

Гулко и торжественно звучали колокола церковей московских, призывая христиан к заутрене, и народ толпами валил в храмы. Москвичи были веселы и празднично настроены; лица у всех были оживленные и радостные. Слышались громкие речи. За стенами Кремля почти никому не было известно о новом завоевателе, стремившемся на Русь из страны каменных гор, и люд православный готовился встречать воскресный день с полною уверенностью в благополучии своего существования. Погода соответствовала празднику. При ясном безоблачном небе величественно поднялось солнце на горизонте и озарило золоченые кресты церковей и монастырей, узорчатые крыши великокняжеских дворцов и теремов, боярские палаты и хоромы купцов, избы и избышки простых горожан и посадских людей – и стало так светло и тепло,

что никому и в голову не могла прийти мысль о чем-либо мрачном, унылом, непраздничном. Жители Москвы спешили в храмы Божии – кто с искренним желанием помолиться, кто просто поглазеть на народ, чтобы после почесать язык: кто и в чем был в церкви, кто как молился и прочее, – и по улицам только гул стоял от гомона проходивших людей, оживленно беседовавших между собою.

– А что это, братцы мои, – с удивлением заговорили в толпе, валившей к кремлевским соборам, – дьяки сломя голову скачут? Не стряслось ли чего во дворе князем? И вершники куда-то понеслись. Полагать надо, неспроста это...

– А здоров ли князь великий? – беспокоились некоторые. – Вестимо, не без причины скачку такую затеяли. Что-то случилось же там.

– А может, беду какую чувствуют, – шептали третьи, оглядываясь на дьяков и многих княжеских «отроков», скакавших из Кремля на конях в разные стороны. – Вот и послали собирать бояр-воевод. Недаром вчера гонец татарский прибыл.

– А за гонцом другой гонец прискакал, кажись, от пределов рязанских. Не шевелится ли татарва поганая?

– Господи, спаси нас и помилуй! – крестились набожные и уже со стесненным сердцем вступали под своды храмов, расстроенные собственными же догадками и предположениями.

После заутрени тотчас же заблаговестили к обедне, и когда литургия отошла, народ вывалился из церквей и пошел домой. Из Успенского собора все выходили крайне мрачные и сосредоточенные и долго молились на паперти, поднимая глаза к небу. Владыка Киприан сказал слово о нашествии нового Батыя, и молившиеся упали духом, зная по опыту, что значит вторжение орд татарских. В других церквях о новой напасти ничего сказано не было, и москвичи выходили из них беззаботно и весело, толкая и сшибая с ног друг друга. Но вот прошло немного времени, и находившиеся в Успенском соборе смешались с остальной толпой – и точно туча какая спустилась над Москвою. Веселые голоса смолкли. Шутки и прибаутки прекратились. Лица сделались вытянутыми, угрюмыми. Глухой говор прокатился по волнам народного моря.

– Беда, братцы! – слышались голоса. – Идет на землю Русскую страшный воитель Тимур! Покорил он Тохтамыш, хана ордынского, теперь на Русь ополчается! В Успенском соборе владыка толковал, молиться с усердием велел...

– А князь великий недавно с пировли вернулся, – ехидно усмехнулся высокий седой старик, в котором можно было узнать того новгородца, который пел былинку про ушкуйников в Сытове. – От зари до зари бражничал он со своими приспешниками, с красными девицами тешился, срамил звание свое, а когда сытовский поп к вечерне зазвонил, повелел он звон прекратить: что-де церковный звон, что татарский гам – все едино! Только-де потехам его княжеским помеха!.. Вот и «молиться с усердием велел владыка»! Да и сам-то владыка молится ли?..

Старик многозначительно поджал тонкие бледные губы, зорко огляделся кругом и, видя, что все его со вниманием слушают, продолжал:

– И владыко не без греха, други! Неведомо вам, какую он жизнь ведет, а я долго жил в селе Голенищеве и узрел очами своими, как он с красавицами хороводился!..

– Это владыко-то? Это старец-то праведный? – раздались протестующие возгласы, и сотни горящих негодованием глаз устремились на новгородца. – Гляди, чтоб на осине не болтаться тебе!.. Не спустим такое поношение владыки святого! Живо глотку заткнем! Не изрыгай непотребных хул на человека Божия!..

– Хорош человек Божий! – нагло ухмыльнулся старик, не смущаясь общего протеста. – Непрестанно о мирском помышляет. Три года назад в Новгород Великий приезжал он, пошлину судную требовал. А потом, совместно с князем великим, торжичан – вольных людей – присудил злой смерти предать. А разве подобает человеку Божьему в судные дела соваться, то бишь пошлину требовать, да науськивать государя на кровопролитие?.. Вот, други! Ни князь великий, ни митрополит на добрые дела вас не ведут! Они вас на гибель толкают! Откажитесь

от них, пока не поздно... соберите вече народное, как в славном Великом Новгороде, и Тимур не страшен для вас будет! Внимайте словам моим: воздвигнитесь, восстаньте на князей и бояр, митрополита-сербина низложите, поставьте нового митрополита, ну, хоть того ж архиерея новгородского, и все у вас по-новому пойдет!.. Поверьте старому человеку!..

С секунду все безмолвствовали. Сначала старика приняли за одного из недовольных великим князем людей, чем-либо обиженных горячим Василием Дмитриевичем, но потом, когда тот заговорил таким тоном, всем стало понятно, что перед ними стоит смутьян, имеющий целью восстановить народ против правительства. Грозно нахмурились москвитяне, не одна рука сжалась в кулак; клевета на любимого митрополита особенно возмутила всех, и народ набросился на новгородца, осыпая его ударами и ругательствами:

– Ах ты, крамольник окаянный! Мало ты князя-осударя порочил! И на владыку, старца праведного, лжу возводить дерзнул!.. Так вот же тебе, вот, пес смердящий!.. Разумей отповедь нашу! Николи того не бывало, чтобы люд московский князьям своим изменял! А веча новгородского, сиречь сборища людей буйных, знать мы не хотим!.. Не мути, не прельщай народ честной речами лукавыми! Уведали мы пороку твою: никак, ты новгородец и есть!..

– Погибнете вы все с своими князем и митрополитом! – рычал старик, отбиваясь от набросившихся на него горожан. – Придет на вас Тимур Чагатайский, и камня на камне не останется от града Москвы! Горе вам, злодейские люди московские! Отольются вам слезы вдов и сирот новгородских, кормильцев и поильцев коих вы умертвили! Будьте же вы прокляты отныне и до веку, ироды! А я еще насолю вам! Попомните вы новгородца Ивана Рогача!..

– Хватай его, братцы! Вяжи! – завопили москвитяне, ожесточенные сопротивлением «мутьяна». – Волоки разбойника на судный двор! Там тиуны⁴ да дьяки разберут!..

– Убью! – загремел Рогач и, выхватив нож из-за пазухи, угрожающе замахал им по сторонам.

Толпа отшатнулась от новгородца. Будучи без всякого оружия, горожане не смели приблизиться к нему, – и, пользуясь минутным замешательством народа, Рогач перебежал через улицу, заскочил в первый попавшийся огород и, погрозив из-за забора ножом, скрылся...

Москвичи неистовствовали:

– Держи крамольника! Держи поносителя чести княжьей и митрополичьей!.. На осину его, изменника осударева!

Но пускаться за ним вдогонку никто не решался. Наконец прискакали на место шума конные дружинники, составлявшие городскую стражу. Крамольников хватать они привыкли, но когда народ показал им на тот огород, куда заскочил Рогач, они тщательно обыскали всю местность, обшарили ближайшие дворы – но нигде ничего не нашли. Новгородца и след пропал.

– А ну его к лешему! – выругался старший над дружинниками, видя бесполезность поисков. – Никак, он сквозь землю провалился! Айда, братцы! – обратился он к товарищам. – Поедем на площадь Красную. Князья-бояре собираются во двор государев, блюсти надо, чтоб все кругом в порядке было. А крамольников подобных немало, где тут каждого поймать?

Они повернули коней и уехали. Народ тоже разошелся, толкуя о новой напасти, грозившей земле Русской. О Рогаче скоро забыли. Мало ли чего сбредет человек, будучи не в своем разуме! А что старик был не в своем разуме и что «брехал он безумные речи, коих и сам не понимал» – с этим почему-то все соглашались, хотя новгородец мало походил на сумасшедшего... Известие о нашествии Тимура потрясло всех. Неужели стольный град Москва и вся земля Русская испытают те ужасы, какие были при нашествии Тохтамышя? Народ трепетал при одной мысли об этом и возлагал свою надежду на великого князя и его советников, а особенно на митрополита Киприана, «ангела-хранителя московского», и на князя Владимира

⁴ Тиун – княжеский или боярский слуга в Древней Руси. (Примеч. ред.)

Андреевича Храброго, славного сподвижника Дмитрия Ивановича Донского в битве на Куликовом поле.

– Победил же князь-осударь Дмитрий Иванович с князем Владимиром Андреевичем Мамай безбожного на Куликовом, авось и ныне князь Василий Дмитриевич с дядею Тимура победят, – толковали в Москве, и веря и не веря в возможность подобной победы. – Бог – наше прибежище и сила. Не скончал еще дни живота своего игумен троцкий Сергей, умолит он Господа смилостивиться над землею Русскою. Не он ли победу на Куликовом поле предсказал?

– Не выходит ныне из обители игумен Сергей, – возражали другие, зная, что строгий постник и молитвенник Сергей, известный под прозванием Радонежского, не доволен распутством и жестокостью юного великого князя и не благоволит к нему, как благоволил раньше к его отцу, – не может он взирать на грехи мирские. Не захочет он молиться за нас, недостойных...

– Велико терпение Господа, а раб ли Его верный, старец Сергей, не захочет молиться за души христианские? – промолвил на это какой-то монах, случившийся около говоривших. – Всегда были близки его сердцу горе и радости народные, и нам ли, грешным людям, сомневаться в его благости? Неладно, неладно толкуете вы, братия. Старец Сергей никогда не забывал и не забудет родную землю. А потом, сколько святых иноков есть! Есть владыка Киприан, святитель славный! Надейтесь, крепко надейтесь на молитвы людей праведных, надейтесь на заступничество Царицы Небесной, надейтесь на неизреченную милость Божию – и спасена будет страна наша от разорения!..

Над Москвой только гул стоял от противоречивых толков и суждений переполошенных горожан, передающих друг другу слова митрополита Киприана, сказанные в Успенском соборе. Владыка произнес такую краткую, но сильную речь:

– Молитесь, чада мои духовные! Молитесь, мужи и жены славного города Москвы и всей земли Русской. Страшный воитель грядет, грядет Тимур Чагатайский и с ним воинство несметное! Победитель он Тохтамыш Кипчакского, на Русь кровавый взор свой обратил! Несет он гибель и разорение! Несет он смерть и муки всяческие!.. Молитесь, братия и други мои, молитесь Всеблагой Царице Небесной, да усмирит Она жестокое сердце Тимура, да обратится Тимур вспять, яко непостижимою силой гонимый! Молитесь миром, людие православные, и услышит Пречистая Богородица усердное моление наше и упросит Сына Своего, Господа Иисуса Христа, спасти нас и грешные души наши. Аминь.

Подобные слова убедили всех в действительной опасности, надвигавшейся со стороны Волги, и не было ни одного человека, который бы мог сказать, что «это беда – не беда, а просто гром из далекой тучи, блуждающей в пространствах воздушных».

О Тамерлане слышали раньше, но полагали, что он обитает где-то на краю земли, воюя с народами сирийскими, индийскими, египетскими и иными. О приближении его к русским границам никто не думал. И вот, когда разнеслась весть о нашествии, жители Москвы всполошились. Неужели князья-бояре не измыслят средства остановить его стремление? О народном вече, какое так восхвалял Рогач, никому и в голову не приходило. Москва была совершенною противоположностью Великому Новгороду, и граждане московские жили не своим умом, а умом великого князя и бояр. И такое «чужеумие» ни для кого не казалось унижительным. Что за важность, ежели за них, москвитян, думают князья и бояре! Они разумнее простых людей, им и наставлять простоту на путь истины. И, имея такое суждение, москвичи тотчас же после обедни стали собираться в Детинец, или Кремль, под окна великокняжеского дворца, ожидая, что скажет высшая власть, на которую они всегда полагались.

Народ видел, как один за другим приезжали на княжий двор бояре и воеводы, как они слезали с коней и поспешно всходили на крыльцо, озабоченно проходя между рядами дворцовой челяди. Прискакал и князь Владимир Андреевич и, ласково поклонившись народу, встретившему его радостными восклицаниями, легко взбежал по ступенькам, точно на плечах у него

был не пятый десяток лет, а только годов двадцать-тридцать. Наконец все советники великокняжеские съехались. Тяжелые двери затворились. Тогда один из дьяков крикнул собравшемуся народу с высокого крыльца:

– Стойте смирно, люди православные! Великий совет учиняется. Не шумите, не гуторьте промеж себя: чтоб ни единое слово не долетело до высокого слуха княжеского!

Народ всколыхнулся и замер.

VII

В просторной приемной палате великокняжеского дворца, изукрашенной со всею пышностью того времени, собрались бояре и воеводы – ближние советники московского государя. Были тут бояре: Иван Залесский, Петр Шереметев, Борис Кушелев, Дмитрий Всеволож, Александр Поле, Федор Добрынский, Степан Олсуфьев и другие; были «князья служилые» Давыд Пестрый, Иван Стрига-Оболенский, Григорий Ковер, Андрей Мышецкий, Иван и Семен Ряполовские и потомок суздальских владетелей – Александр Иванович Брюхатый. Из духовных особ присутствовали архимандриты московских монастырей Чудова, Андрониева и Симонова, приглашенные на совещание по предложению митрополита Киприана. Когда же все вызванные ко двору лица были в сборе, дверь, ведущая во внутренние покои, отворилась и в приемную палату вступил великий князь Василий Дмитриевич, сопровождаемый братьями Юрием, Андреем и Петром Дмитриевичами, дядею Владимиром Андреевичем и владыкою Киприаном, шествовавшим непосредственно за великим князем.

– Буди здрав, княже великий с братьями-княжичами! Буди здрав, владыко святой! Буди здрав, княже Володимере! – возгласили собравшиеся вельможи и отдали земной поклон.

– Будьте здравы и вы, князья-бояре, слуги мои верные! – ответил Василий Дмитриевич и, поклонившись в пояс собранию, сел на свое «золотое стуло», имевшее форму трона.

По левую руку его уселся митрополит, предварительно благословив всех присутствующих; княжичи Юрий, Андрей и Петр Дмитриевичи поместились по правую руку великого князя, рядом с ними сел Владимир Андреевич – и великий совет начался.

Сначала митрополит опасался, что молодой государь не выдержит – обнаружит чем-либо свое хмельное состояние, и тогда стыд ему великий будет. Но Василий Дмитриевич был не таков. Не в первый раз ему приходилось бражничать так, как вчера, не в первый раз приходилось напиваться до последней крайности, но никто из бояр не видел его в пьяном виде. «Товариство сердечное», то есть собутельники, никому не выдавали тайных кутежей великого князя, холопы не смели болтать об этом, дрожа за свои шкуры, а когда возникала надобность, ему нетрудно было вытрезвиться: стоило только облить голову холодной водою, затем повторить это обливание раза два-три – и хмель как рукой снимало! Такова была его богатырская русская натура. И когда он вышел в приемную палату, на лице его не оставалось никаких следов бессонной ночи, и только разве особенно наблюдательный человек мог бы заметить, что глаза его слегка покраснели и поблескивают каким-то странным блеском, а волосы на голове влажны: это были последствия неоднократных обливаний холодной водою.

«Ну, слава богу! – подумал митрополит. – Не уронит себя перед боярами государь беспутный. Хоть в этом похвала ему пристойна: умеет он хмель из головы выгонять».

– Увидал я, князья-бояре, – громко и отчетливо заговорил великий князь, обводя присутствующих спокойным взглядом, – идет на нас воитель Тимур, идет с несметною ратью. Не задержал его хан Тохтамыш Ордынский, тыл ему показал. Посрамила себя Орда Кипчакская, пала во прах перед Тимуром. И, вестимо, возрадовались бы мы такому делу, если б Тимур обратился вспять. Но он на нас идет, помышляет разорить нашу землю родную... Доколе, князья-бояре, отцы и братия мои, и ты, владыка святой, и вы, старцы праведные, – доколе терпеть нам нашествия вражеские?! Доколе склонять нам выи свои перед погаными басурманами?! Не до конца прогневался Господь над землею Русскою, настанет и час нашей воли... Бывали же раньше победы... Монголы нынче друг друга истреблять начали. Хан Тохтамыш разбит Тимуром, но авось иная участь постигнет нас... Смекаю я, что не одиноки мы будем в напасти сей, помогут нам и Тверь, и Рязань, и Новгород Великий, и Псков... Но что вы присудите, верные советники мои? Какую вы мысль держите? Как нам встречать Тимура-воителя? Как лютость его отвращать?

Василий Дмитриевич замолк и вопросительно посмотрел на митрополита, как бы говоря ему взглядом, что первый совет ожидается от него. Киприан раздумчиво ответил:

– Во многоглаголении несть спасения, сказано в Писании. И посему я одно спрошу тебя, княже: ведаешь ты, как родитель твой, государь Дмитрий Иванович, встречать хана Мамаю приготовлялся?

– Ведаю, владыко, – кивнул великий князь.

– Так вот, княже, – продолжал митрополит, – делай ты то же, что делал о ту пору родитель твой благочестивый, и все у тебя ладно пойдет. Собери воинство христолюбивое, укажи воевод достойных, в челе дружин своих самолично стань и выступай навстречу врагу. И Бог поможет тебе одолеть супостата.

Лицо великого князя просветлело. Совет был именно таков, какого он ожидал. Вельможи одобрительно закивали головами.

– Златые твои уста, владыко! – воскликнул Василий Дмитриевич. – Сам Бог умудрил тебя такие словеса молвить. Признаться, я то же мерекал, но докончательно порешить не мог. Вестимо, по стопам родителя покойного идти мне надо. А вы что скажете, князь-бояре?

– Иди на врага, княже великий! – загудели бояре, перебивая друг друга. – Премудро владыко судит: невозбранно на Тимура воздвигайся, собирай воинство христолюбивое, гонцов по всем градам и пригородам повели послать. Пусть все на врага восстают, пусть стар и млад ополчаются, пусть сильные за оружие берутся, а слабые Бога за ратников молят! А мы – твои верные слуги и помощники!..

– Повели, княже великий, и мы головы свои за веру православную да за тебя сложим! – воскликнул боярин Иван Афанасьевич Залесский, отличавшийся большою преданностью своему государю. – Судил мне Бог в сече Куликовской побывать, немало я голов татарских пошарпал, а нынче надеюсь еще тебе послужить! Дружину свою я соберу, снаряжу людей черных и тяглых, не пожалею я ничего, чтобы пользу общему делу принести! А ты, государь, моей семейшкы не оставишь, коли придется мне голову на поле брани положить!..

– Воздаю я каждому по заслугам, – промолвил великий князь, ласково поглядев на Залесского. – А твоя служба мне ведома. И родителю моему, и мне служил ты с нелицемерным усердием. А посему семья твоя и семьи всех верных слуг моих останутся на моем попечении, ежели на поле брани кончина вас постигнет!..

– И мы, и мы, государь, не пожалеем животов своих ради спасения земли Русской! – заговорили другие бояре, воодушевляясь словами товарища. – Не в первый раз нам на врагов идти! Не страшит нас воинство Тимура! Не дрожит наше сердце перед недругами! Да, может, и не так страшен Тимур, как о нем рассказывают? Не так же ли раньше перед Мамаем трепетали? Не грозил ли он великому князю Дмитрию Ивановичу? Не хотел ли Русскую землю из конца в конец пройти? Не посылал ли грамотку грозную, пугаючи государя хороброго? Одначе встретил родитель твой Мамаю на поле Куликовом, и сила татарская как дым рассеялась от русского натиска!.. Ополчаться нам нужно, государь! Нельзя мешкать ни часу!..

– Тимур, по слухам, к рязанским пределам движается, – заметил князь Владимир Андреевич, говоря ровным спокойным голосом. – Сказано в грамотке Олега, что за Тохтамышем передовые отряды Тимуровы гнались до Волги-реки. Стало быть, враги не за горами, а за плечами. От Рязани до Москвы не близко, но когда разбушуются волны моря татарского, разве можно утишить их? По-моему, надо сейчас же послать скорописчатые грамоты в Тверь, в Новгород, в Псков, пускай там князья и посадники рассудят: ополчаться ли им заедино с нами аль со стороны на нашу борьбу взирать? В Рязани поневоле ополчатся, ибо на Рязань Тимур идет, но и князю Олегу послать грамоту нелишнее. Лукав и изменчив сын Коротопола⁵, как

⁵ Коротополом прозвали отца Олега Рязанского – князя Ивана Ивановича, за то, что он любил носить короткие кафтаны. (Примеч. автора.)

бы на сторону Тимура не перекачнулся. А в Твери, в Новгороде, во Пскове, как и в Рязани, не любят по слову твоему, княже, делать. Велеречиво надо грамоты писать: авось хоть Божиим именем тронуть их. Беда грозит не одной Москве нашей, а всем градам и весям русским. Хуже басурман те будут, кто на супостата не пойдут!.. А потом всем наместникам и воеводам подначальным спешные указы разослать... Не забыл я, как на Мамаю безбожного Русь воздвигалась во дни оны, ратники тьмами⁶ собирались, неужели же теперь православные люди попятятся? Не мни, княже великий, худого о слугах и помощниках своих: все головы свои готовы сложить за веру православную, за тебя да за родину!

Глаза Владимира Андреевича заблестели. Видно было, что он говорит искренно. Являясь по рождению почти независимым от московского государя князем, имеющим свой удел (ему даже принадлежала треть Москвы, по наследству от отца – сына Ивана Калиты), он тем не менее признавал верховную власть великого князя, повинуюсь ему как младший старшему. При жизни Дмитрия Ивановича Донского он не выступал из его воли, почитая его старшинство, а когда победитель Мамаю скончался, Владимир Андреевич заключил с новым великим князем Василием Дмитриевичем договор, где было сказано, что «князь Владимир считает Василия Дмитриевича старшим братом, брата его Юрия Дмитриевича – равным себе, а меньших сыновей Донского – младшими братьями; что Владимиру Андреевичу без ведома Василия Дмитриевича не заключать договоров с иными владетелями, не делать ничего противного к пользе московского княжения, не вмешиваться в распоряжения великого князя». Но, со своей стороны, и Василий Дмитриевич обязался «почитать Владимира Андреевича, как дядю своего, не стеснять его в удельном владении, не отбирать от него ни городов, ни сел, ни других угодий, ни даже покупать их, не повелевать им, как подданным своим, а действовать по обоюдному согласию, соблюдая общую пользу». Таким образом, князь Владимир Андреевич как бы «добровольно» подчинился великому князю и, владея третью Москвы и городами Серпуховом, Перемышлем, Лопасней, Волоком и Ржевом, жил в Москве, имея своих бояр и свой двор, независимо от двора великого князя. Характер его был прямой и открытый; отечество он крепко любил и готов был пожертвовать всем для блага и счастья Руси. Несмотря на свою подозрительность, Василий Дмитриевич доверчиво относился к дяде, и только раз между ними произошла размолвка. Это было в 1390 году. Великокняжеские бояре, озлобясь на Владимира Андреевича, разоблачавшего их неблагоприятные поступки, нашептали Василию Дмитриевичу, что «князь Владимир ни во что не ставит князя великого, обзывает его щенком мозглявым и даже не прочь бы на московский престол сесть, ибо-де он старший в роде Калитином». Клевета возымела свое действие. Молодой государь пригрозил дяде, что темница для него уготована... Это возмутило честного и великодушного Владимира Андреевича, и он со всеми ближними своими, боярами и двором, окруженный верною дружиною, выехал в Серпухов, свой удельный город, а оттуда в Торжок, входящий в состав новгородских владений. Но ссора скоро прекратилась. Великий князь проник в лукавые ковы своих бояр, убедился, что обидел дядю напрасно, и извинился перед Владимиром Андреевичем. Последний помирился с племянником и, вернувшись в Москву, принял участие в делах государственных, по крайней мере, таких, какие Василий Дмитриевич не считал опасным ему вверить. В описываемое время великий князь более чем когда-либо благоволил к Владимиру Андреевичу, доказавшему свою «благонадежность», и Владимир Андреевич был глубоко благодарен ему за доверие и дружбу.

– Ведомо мне усердие слуг и помощников моих верных, – промолвил Василий Дмитриевич, отвечая на речь Владимира Андреевича, – а тебя особливо, дядя мой кровный, знаю я. С родителем моим ты душа в душу жил, помогал ему городами править, ходил на ратный промысл, куда он указывал, платил часть дани ордынской, а на поле Куликовом не с тобой ли он Мамаю разбил? Не забыл я заслуги твои, вижу твою приязнь ко мне и люблю тебя как

⁶ В «тьме» (или тме) считалось десять тысяч воинов. (Примеч. автора.)

отца родного. А посему прими на себя труд, дядя любезный, указать дьякам с подьячими, как грамотки скорописчатые писать. Разумный человек ты, книжную науку прошел, свитки церковные читаешь, при родителе моем постоянно за приказным столом дозирал, – тебе и дьяков поучать. Сумеешь ты сердечные слова поставить, коими бы люд православный тронуть. А потом прослушаем мы грамотки эти и немедля же князьям, боярам да воеводам пошлем во все города земли Русской. Не ложно говорите вы, советники мои, что мешкать часу нельзя. Тимур может скоро нагрянуть. Так будь же милостив, дядя любезный, князь Владимир Андреевич, наставь дьяков с подьячими уму-разуму. Полагаюсь я на мудрость твою!

Великий князь был отменно ласков и любезен с дядей, выразившим готовность сложить голову «за веру православную, за него да за родину», и, поручая ему составление грамоток, доказывал этим свое доверие к нему. От грамоток многое зависело. Мало кто из великокняжеских наместников и воевод отличался распорядительностью и расторопностью, большинство же привыкли вершить дела «с тихою поспешностью», руководствуясь пословицей, что «поспешишь – людей насмешишь». Что касается Твери, Рязани, Новгорода и Пскова, то правители их не признавали верховной власти московского государя⁷ и могли отказаться от участия в борьбе с Тамерланом. Следовало написать грамотки так, чтобы растрогать до глубины души независимых владетелей, чтобы вдохновить их на брань с супостатом, надвигавшимся со стороны Волги, а подчиненных наместников и воевод нужно было «подогнать», то есть написать им такие грамотки, от которых бы они забыли свою обычную «тихую поспешность» и действовали бы решительно и быстро, собирая и вооружая ратников. И руководить писанием подобных грамоток способен был более всех князь Владимир Андреевич как человек, умудренный жизненным опытом и прекрасно знавший русскую натуру.

– А куда ж собираться воеводам с ратниками прикажешь? – спросил Владимир Андреевич, поднимаясь с места, чтобы идти в ту палату, где занимались бумагами дьяк и подьячие.

Великий князь поглядел на вельмож.

– А по-моему, в Коломну сбор указать. Как вы рассудите, князь-бояре? Ладно ли так будет?

– От Коломны рубеж близко, в Коломне и следно воеводам собираться, – подтвердил Борис Кузьмич Кушелев. – Правду ты изрек, государь.

– На Коломну шел и родитель твой князь-государь Дмитрий Иванович, – промолвил Давыд Пестрый, – когда на Мамай ополчился. Стало быть, и тебе туда ж надо идти. И ратникам в Коломну собираться.

– В Коломну можно сплыть на стругах по Москве-реке, – заметил боярин Петр Шереметев, отличавшийся большою хозяйственной сметкой. – Знамо дело, конные дружины сухим путем проедут, благо дорога добрая есть, а пешие ратники с удовольствием водою достигнут. Эдак и люди свежие, не усталые будут, и припасы без труда приплывут. Вот моя мыслишка, княже великий.

– А пожалуй, разумно ты придумал, боярин, – одобрил Василий Дмитриевич. – От Москвы до Коломны на стругах плыть способно. А струги и там нелишни будут, когда придется за Оку переходить. Так и прикажи написать, дядя-княже, – обратился он к Владимиру Андреевичу, – что кому по пути придется, пускай садятся на струги да лодки и к Коломне сплывают; пускай припасов поболее берут, пускай ратников в полный уряд снаряжают, ибо без уряда ратник не ратник. Особливо оружие достаточное потребно: чтоб мечи, бердыши, копья в порядке были, чтоб тетивы у луков не рвались, чтоб не было нужды в стрелах; чтоб доспехи были целы, а шеломы крепки, ибо татары больше по башкам норовят рубить. Ну а прочее тебе ведомо. Утруди себя, дядя-княже. Поспеси с грамотками.

⁷ В Новгороде и Пскове сидели московские наместники, но приказать что-либо «вольным городам» московский великий князь не мог, а мог только обращаться к народному вечу с просьбами. (Примеч. автора.)

– Сейчас же за дело примусь, государь, – ответил Владимир Андреевич и вышел из приемной палаты.

Совет продолжался вплоть до вечера. Столпившийся у дворца народ видел, как суетились на княжьем дворе путные бояре, окольные, дворяне, дети боярские⁸, как многие дворяне и дети боярские вскакивали на оседланных коней и неслись куда-то во всю прыть, имея за пазухами какие-то свитки, припечатанные большими печатями. Время от времени появлялись на высоком крыльце осанистые князья-бояре, сурово подзывали к себе дворян и детей боярских и говорили им строгим тоном:

– Слышь, братцы, чтоб ежечасно вы в уряде были. Кормите коней до сытости, запас под рукой держите, ни днем, ни ночью одежи не снимайте. Немало еще гонцов надо.

– По нам, хоть сейчас в путь. У нас все начеку, – отвечали дворяне и дети боярские, и князья-бояре уходили обратно, бормоча себе под нос:

– Ах, Господи, Господи! Какая напасть неожиданная! Неужто нагрянет Тимур?..

– Куда послали? – спрашивали из толпы народа того или другого гонца, спешно выезжавшего из кремлевских ворот.

– В Ярославль, в Белозерск, в Вологду, в Устюг, Галич, Углич!.. – следовали ответы, и в народе оживленно толковали:

– Ишь, братцы, споначалу в дальние города посылают, а потом в ближние. Премудро на совете рассуждают, не теряют головы в беде. Вестимо, в дальние города гонцы не сразу придут, а там когда еще воеводы да наместники разберут грамотки князья. А в ближние города можно и после послать.

Не меньшая суета стояла и в самом дворце. Многочисленная дворцовая челядь с ног сбилась, исполняя поручения бояр, приказывавших то принести «кваску освежиться», то посылавших на двор, где толклись боярские стремянные и холопы, передать последним какой-либо приказ господина, то, наконец, таская из кладовых целые ноши бумаги, требуемой для писания грамот. По коридорам и переходам дворца сновали путные бояре и окольные, получая запечатанные грамотки из рук дьяков и передавая их дворянам и детям боярским с приказанием: «Немедля же ехать вот туда-то и вручить грамоту тому, на чье имя она написана».

В приемной палате громко и отчетливо прочитывались дьяками написанные грамотки, великий князь прикладывал к ним свою руку и печать, – и спешные послания к иногородним воеводам и наместникам отсылались с гонцами, стоявшими на дворе в полной готовности к отъезду.

Не оставался без дела и митрополит Киприан с игуменами. Возлагая главную надежду на милосердие Божие, он сам с игуменами занялся писанием грамот от своего имени в те города, где были епископы. Владыка был человек образованный и начитанный по своему времени. Прекрасно зная греческий язык, он не менее хорошо усвоил и русский, будучи сербом по происхождению, то есть таким же славянином, как и русские. Он писал епископам грамоты, чтобы все храмы Божии были отверсты днем и ночью, чтобы пастыри духовные непрестанно совершали богослужение, чтобы молился весь народ православный – да не изольется на Русь фиал гнева Божия, да не накажет Господь руссов, а помилует по великой Своей милости. Особенно Царице Небесной молитесь, – говорилось в грамотах, – да примет Она прошение недостойных рабов своих, да ходатайствует перед Сыном Своим, Всеблагим Господом, о спасении нашем, да избавимся мы от страшной напасти, как избавился некогда Царьград от нашествия инопле-

⁸ Путными боярами именовались тогда великокняжеские чиновники, которым давались на содержание замки, поместья или же доходы с чего-нибудь. Окольными назывались ближние к государю люди, находившиеся при его особе, а дворянами – следующие чины великокняжеского двора, составлявшие многочисленный штат придворных служителей. Что касается детей боярских, то это были «записные воинские люди», составлявшие сильнейшую часть войска, будучи обучаемы ратному делу с детства. В мирное же время из детей боярских выбирались разумнейшие юноши и приставлялись ко двору для разных послуг. (Примеч. автора.)

менных по милостивому заступлению Пречистой Девы Марии. Не теряйте веры, братия моя во Христе, молитесь непрестанно, укрепляйте слабых и малодушных – и спасется земля Русская от лютой нового Батыя. Божие благословение да будет над вами. Аминь.

– Уместно христоролюбивое воинство собирать, уместно на свои человеческие силы надеяться, – говорил Киприан, обращаясь к великому князю, – но не следует забывать и о Боге. Без Бога ничего не делается. А посему нелишним нашел я отписать владыкам-епископам, чтоб они со всем причтом духовным Богу молились и паству бы на молитвы воздвигали. Дохожа до Неба усердная мирская молитва.

– Истинно говоришь, владыко, – отозвался Василий Дмитриевич. – Сильна мирская молитва. Похвально, что ты напомнил о том владыкам-епископам.

Грамотки митрополичьи были запечатываемы именно печатью Киприана и посылаемы с теми же гонцами.

С утра до вечера рассылались по всем городам и пригородам земли Русской указы государевы, извещавшие о приближении Тамерлана и повелевавшие без замедления ополчаться на врага, идущего, по слухам, в числе «сорока тем», то есть четырехсот тысяч. Были отправлены, между прочим, не указы, конечно, а дружеские грамоты в Рязань, Тверь, Новгород и Псков с предложением принять участие в отражении неприятеля, наступавшего не на одно Московское княжение, а на всю Русь. Грамоты эти повезли путные бояре со свитой, состоявшей из дворян и детей боярских, отряженных для вящей торжественности.

Когда рассылка гонцов кончилась, митрополит отдал приказание звонить ко всенощной во всех церквях московских, – и народ хлынул в храмы. Сам великий князь с супругою, матерью и братьями, сопровождаемый князем Владимиром Андреевичем и всеми вельможами, прибыл в Успенский собор и, против обыкновения, горячо молился. Бедствие грозило ужасное, задержать полчища Тимура было трудно без особой помощи Божией. Где мог собрать Василий Дмитриевич столько войска, чтобы противиться грозному завоевателю, идущему во главе четырехсот тысяч монголов? И, несмотря на внешнее спокойствие, втайне государь московский преисполнен был страха и трепета, боясь за целостность своих владений. Тимур разбил Тохтамыш, нетрудно ему было раздавить и русское ополчение... А тогда все пропало! Варвары пройдут по Руси и сметут с лица земли все города и села, убьют или возьмут в полон жителей и оставят после себя пустыню. А если он, великий князь, и сохранит свою жизнь, то что за радость быть повелителем над развалинами и бездушными трупами!.. Василий Дмитриевич упал на колени.

– О, Господи, Боже! Помилуй меня и землю Русскую! Не казни гневом Своим праведным!.. Оставляю я житие злочестивое, исправлюсь елико возможно... О, Мати Царица Небесная, умоли Сына Своего, да спасется страна наша!.. Не карай нераскаявшегося грешника!..

И он клал поклон за поклоном, стучаясь лбом в мягкий ковер, подостланный ему под ноги.

VIII

Дрогнула Русская земля, когда грамоты великого князя и митрополита разлетелись по всем городам и пригородам, развезенные легкими гонцами. Красноречиво описал князь Владимир Андреевич грядущее бедствие, умело сочинил приказ воеводам и наместникам о сборе и вооружении ратников, – и загремела Русь бранным шумом. Воеводы и наместники засуетились. Куда девалась их обычная «тихая поспешность»? Забывая свою боярскую и княжескую власть, заметались они из стороны в сторону, затрясли толстыми животами, закричали на подневольных людей:

– Скорей! Скорей! Не мешкая коней седлайте, скачите по вотчинам боярским, приказывайте всем ополчаться на врага!.. Тимур-воитель на Русь идет! Грамотка спешная прилетела!.. Так и говорите всем, что если кто мешкать учнет – голову с плеч тому! За все в ответе мы, воеводы, будем: в грамотке государь глаголет! Ну, и слушайся нас... А враг идет страшный, неслыханный, могучей Мамай неверного! Не бывало с Батыею такого! За родину да за веру православную дружно всем надо встать!..

И рассыпались воеводские гончики по усадьбам боярским, по селам да по деревням крестьянским. Всколыхнулось народное море; повсюду раздались речи:

– Страшный воитель идет. Не бывало и не будет такового ни раньше, ни после нас. Мамай перед ним был ничто. Даже Батыею не равняться с ним... Горе земле Русской! Не спастись нам от лютости хана Тимура!.. А ополчаться без мешканья следует: лучше на поле брани умереть да получить венец мученический, чем в лесах да пещерах прятаться! Да и не сохранят никого леса с пещерами, ежели нагрянут монголы! Они из-под земли всех достанут!..

Горько жаловались на свою судьбу и стонали малодушные, предвидя конец своей жизни, но мужественно встретили весть о нашествии Тимура крепкие духом люди. Воеводы недаром суетились. Именитые князья и бояре, богатые купцы и суконники, жители городские и посадские, люди свободные и подневольные торопливо снаряжались в поход или же снаряжали других. Каждый боярин того времени имел свою собственную дружину детей боярских, вооруженных отменно хорошо и обученных ратному строю. Дети боярские, или «детские», как их попросту называли, одеты были в железные кольчатые доспехи – бахтерцы, с медными нагрудными бляхами, и в такие же байданы и куляки, охранявшие туловище от вражеских ударов. Головы были покрыты железными же остроконечными шишаками, со стрелкою для защиты лица, спускавшеюся от козыря вниз вдоль носа; сзади и с боков, для предохранения шеи, подбородка и ушей, спускалась кольчужная бармица. Руки и ноги были защищены стальными подлокотниками и надколенниками. Вооружением для «детских» служили: копье, или сулица, меч, или кончар, при левом боку, лук со стрелами в красивом колчане, саадаке, и щит, по большей части красного цвета, так как багряный цвет был любимым цветом наших предков. Снаряженные подобным образом, посаженные на сытых коней, дружины детей боярских приводились на сборный пункт и составляли в общей сложности главную силу войска.

Получив извещения от князей и воевод о срочном сбирании ратников, бояре одели их в походную воинскую одежду, снабдили припасами и повели в указанное место – в Коломну, куда, по слухам, уже выехал великий князь из Москвы. Кроме того, теми же боярами и богатыми купцами и суконниками снаряжались дружины черных и тяглых людей, живших во владельческих землях. Жители городские и посадские примыкали к конным отрядам, если были при лошадях, а крестьяне вооружались чем бог послал: топорами, рогатинами, дрекольями, ослопами⁹ и шли пешими толпами, потому что в седле они не привыкли ездить, хотя у редкого из них не было лошади, необходимой в домашнем хозяйстве.

⁹ Ослоп – толстая дубина, утыканная гвоздями. (Примеч. автора.)

– Помоги нам, Господи, одолеть врага-супостата! – набожно крестились ратники, и нельзя сказать, чтобы без боязни выступали в поход. Многие сильно робели. По вычислениям некоторых дошлых книжников выходило, что наступили времена антихристовы, и Тамерлана суеверные люди считали антихристом, родившимся от великой блудницы. Одно утешение русским – это разгром Тимуром Золотой Орды, тяготевшей над многострадальной Русью. Монголы истребляли монголов, – не признак ли это скорого распада татарского царства, ненавистного всякому русскому? И, утешая падавших духом, смелые и решительные люди говорили:

– Никто как Бог, братцы! Без воли Божией ни один волосок не упадет с головы человека. А хотя он и поборол Тохтамыша, но все же урон потерпел, уполовинилось воинство Тимурово; к тому ж в истоме монголы каждый день двигаются, как тут не устать, не истомиться? Так вот и мерекайте, други: скорее мы Тимура поборем, чем он нас! Не вешайте головы, не скорбите. Ведь так же Мамай всех страшил, а победа государю Дмитрию Ивановичу досталась! Авось и нынче, по милости Божией, победим неверных!..

– Дал бы то Бог, дал бы Бог, – вздыхали малодушные и ободрялись от подобных слов, хотя немногие могли справиться с своим сердцем, так и замиравшим от страха при одном упоминании о Тимуре, пугавшем воображение всех.

Скоро вооружались ратники. Сотня за сотней, тысяча за тысячей прибывали они в Москву, если дело было по дороге, и выступали далее на Коломну, куда уже уехал великий князь с имевшимся под рукою войском. Впрочем, через Москву воинов следовало мало: большинство шло прямо на Коломну. В Москве, да и во всех русских городах, куда только не достигали князьи и митрополичьи грамотки, днем и ночью совершалось богослужение в храмах. Митрополит, епископы, игумены, священники, простые иноки со слезами на глазах, «вопия велиим гласом», воссылали просительные молитвы к Небу, и громкие рыдания раздавались под сводами церквей, доказывая то смятение, какое произвело нашествие Тамерлана. На собравшееся ополчение немногие надеялись (хотя и показывали вид, что надеются): откуда могли взять русские люди столько храбрости и стойкости, чтобы сразиться с победоносным воинством Тимура? Положим, большинство князей и бояр говорили, что «рука московского государя еще крепка, что победил же родитель его безбожного Мамая, авось и теперь управимся с врагом», – но надежды на победу было мало. Князья и бояре понимали, что при герое Донском обстоятельства были совершенно иные, чем теперь. Тогда, ввиду многих неудовольствий с Ордою, русские владельцы могли исподволь подготовиться к борьбе с Мамаем, могли заранее заготовить вооружение, припасы и прочее, а ратники могли сойтись на сборное место из самых отдаленных областей. Теперь же было не то. Гром грянул внезапно с безоблачного неба, а когда беспечные русаки хватились, то туча была уже над головою. Тимур подступал к Волге. Ужас обуял малодушных...

– Не бойтесь, авось помилует Господь землю Русскую, – твердили смелые духом, но в глубине души и сами не верили своим словам. Куда было бедной Руси справиться с четырьмястами тысячами монголов!

– Ах, Господи, Господи! Неужто не спасемся мы от лютой Тимура-воителя? – слышалось во всех городах и селах, и смятенный народ стремился в храмы, прибегая к заступничеству Царицы Небесной и святых угодников Божиих.

В Москве после выступления великого князя в Коломну остался начальствовать дядя его, князь Владимир Андреевич. Почему герой поля Куликова не сопровождал племяннику в походе – этого никто не знал. Догадливые вельможи перешептывались, что государь боится воинской славы дяди: как бы де он не прославился опять, в ущерб доблести великокняжеской, но можно было предположить и то, что в стольном граде оставалось семейство Василия Дмитриевича, митрополит, семьи боярские, в Кремле были собраны многие сокровища – и на опытного в ратном деле Владимира Андреевича возложено было «блюсти» столицу на тот случай, если полчища врагов разобьют великого князя или же обойдут стороной его и придется сидеть

в осаде. Москвичи радостно приветствовали любимого князя, когда тот проезжал по улицам, и оживленно толковали между собой:

– Хоть князь Владимир Андреевич остался. На него уповать можно. Не выдаст он Москву супостатам, коли подойдут они. Не провести Тимуру князя Владимира Андреевича, как в оны годы Тохтамыш князя Остей провел. Храбрый воевода был Остей, родовитый, внуком славному Ольгерду приходился, но положился он на слово татарское и себя и других сгубил! А князя Владимира Андреевича не провести так! Не случится при нем того, что случилось при Тохтамышевом нашествии...

Нашествие Тохтамыша еще у многих оставалось в памяти. Было это через два года после Куликовской битвы. Разбитый русскими Мамай бежал в свои улусы с намерением набрать новые войска для борьбы с московским князем, но тут его встретил Тохтамыш, потомок знаменитого Чингисхана, и снова разбил его. Тогда, оставленный неверными мурзами, Мамай искал спасения в Кафе, где генуэзцы обещали ему безопасность, но счастливая звезда бывшего повелителя татар закатилась. Генуэзцы приняли его как гостя, но вскоре коварно умертвили, чтобы овладеть его богатой казной. Тохтамыш воцарился в Орде и сначала дружелюбно уведомил русских князей, что он победил общего их врага – Мамай. Однако это была одна азиатская хитрость. Через год он уже прислал к Дмитрию Донскому посла, царевича Акхозя, с требованием, чтобы все владетели российские, как древние подданные монголов, явились в Орду на поклон. Это было оставлено великим князем без внимания, как пустая угроза, но вот настало лето 1382 года – и вдруг разнеслась молва, что Тохтамыш идет на Русь. В Москве произошел переполох. Герой Донской с двоюродным братом Владимиром Андреевичем спешили выступить в поле, но другие князья медлили, пересылаясь гонцами, и не делали ничего серьезного. Даже сам тесть великокняжеский, Дмитрий Константинович Нижегородский, послал навстречу Тохтамышу двух сыновей с дарами. Тогда Дмитрий Иванович, видя, что с малыми силами ничего поделать нельзя, а порядочное войско собрать некогда, удалился в Кострому, а Москву оставил на попечение бояр. Митрополит тогда выехал в Тверь. Оставленные великим князем и митрополитом москвичи вообразили, что они покинуты всеми и единственный раз за время существования Москвы устроили подобие веча. На общем народном совете было положено: обороняться до последней крайности. И отважные воины и горожане расположились на кремлевских стенах¹⁰. Бояре тем не менее не сумели восстановить порядка в городе, и неминуемо бы начались новые волнения, если бы не прибыл молодой литовский витязь, князь Остей, посланный самим Донским. Остей успокоил мятувшийся народ, ободрил робких, разделил способных носить оружие на сотни и полки; каждой сотне и полку дал начальника, определил, кому где действовать, и, принявши главное командование над «сидельцами», стал ждать неприятеля. И неприятель скоро появился. Задымились вдаль села и деревни, загудела земля от топота множества конских копыт, и показались татарские полчища. Сначала Тохтамыш послал разведчиков разузнать: есть ли подступ к столице, не устроены ли кругом засады, – а потом двинул свои отряды на приступ. Бешено ринулись татары к крепостным стенам, приставили лестницы и смело полезли кверху. Но русские обливали их кипящей смолой, скатывали бревна, бросали камни, а кто успевал добираться до края стены, тех принимали на мечи и копья и мертвыми свергали вниз. Остей хладнокровно распоряжался обороною, замечал, где грозила главная опасность, и направлял туда подкрепление. Нападавшие везде терпели урон и неудачу. Так, в непрерывной битве и осаде, прошло трое суток. Осажденные выдержали нападение, но потери понесли большие; много людей погибло от татарских стрел и пик. На четвертый день хан Тохтамыш послал к городским стенам своих знатных мурз и предложил москвитянам милость и дружбу, если они выйдут к нему с дарами и пустят его в Кремль «полицезреть на велелепие градское». Сыновья князя нижегородского, Василий и Семен Дмитриевичи, находившиеся в татарском стане, дали

¹⁰ Тогда уже Кремль был каменный. (Примеч. автора.)

клятву, что Тохтамыш сдержит свое слово, и честный князь Остей поверил искренности татарина. Широко растворили ворота, и бывшие в Москве бояре, воеводы, духовенство и почетные граждане во главе с Остеем пошли к ханской ставке, неся в руках богатые дары. Этого только и ждали монголы. С неистовыми воплями и шумом набросились они на несчастных москвитян, Остея схватили и повлекли в свой стан, где и умертвили, а остальных изрубили на месте. Резня произошла страшная. Оставшиеся в Кремле воины и вооруженные жители не успели затворить ворот, и густые толпы ордынцев ворвались в крепость. Закипела ужасная сеча; враги нападали сто на одного; немного русских уцелело в Москве в этот несчастный день. Хан Тохтамыш, прибегнувший к такому вероломству, которое было постыдно даже для варваров, приказал сжечь и разрушить Кремль, но, к счастью, тот же князь Владимир Андреевич, с набранным войском, разбил близ Волока один из главных татарских отрядов, и ордынцы поспешно отступили от Москвы, не успев разрушить крепких каменных стен города...

Москвичи искренно радовались, когда великий князь Василий Дмитриевич поручил своему дяде блюсти стольный град, но ратники недовольно морщились, узнавая, что князь Владимир Андреевич остается в Москве и не выезжает в поход с войском.

– Неладно учиняет князь-государь Василий Дмитриевич, – толковали среди воинов, тянувшихся вереницами в Коломну, – лучшего из лучших воеводу, князя Володимера, без дела оставляет. Когда еще дойдут до Москвы супостаты, а там за Окой-рекой, быть может, скоро с нехристями встретимся. Там бы и место князю Володимеру Хороброму, а не в Москве!

В глубине души сам Владимир Андреевич был недоволен полученным назначением, но против воли великого князя не пошел и отчасти утешался мыслью, что если монголы дойдут до Москвы, то он покажет пример, как следует сидеть в осаде.

Раз, вечером, князь Владимир Андреевич сидел в своем дворце, на берегу Москвы-реки, и собственноручно писал грамотку великому князю. На Москве было много работы по укреплению города: вокруг Кремля углубляли ров, насыпали новые валы, на стенах устанавливали пушки, стрелявшие живым огнем¹¹, – и Владимир Андреевич ежедневно отписывал в Коломну о градских делах.

В палату вошел дворянин.

– Чего тебе? – спросил его Владимир Андреевич, отрываясь от писания грамотки.

– Татарин прискакал, княже. Никак, с побоища Тохтамыша с Тимуром.

Владимир Андреевич встрепнулся.

– С побоища Тохтамыша с Тимуром? Гонец Тохтамыша, что ли?

– Кажись, гонец. Только без цидулки всякой. На словах, говорит, передам.

– Ну, так веди его сюда. Скорее!

Дворянин вышел.

Через несколько минут в палату уже входил приземистый, широкий в кости татарин, со смуглым скуластым лицом, быстрыми черными раскосыми глазами, и отвешивал низкие поклоны.

– Откуда ты? С чем приехал? – спросил князь по-татарски, оглядывая вошедшего с ног до головы.

– От Волги-реки, господине, со словом хана великого.

– Отчего ж ты не заехал в Коломну? Ведь там ныне князь московский.

– Не ведал я того, господине, миновал Коломну путями мимоезжими. Да все равно тебе скажу. Ты первый человек после князя московского, тебе и слушать слово ханское.

Владимир Андреевич наклонил голову.

– Говори, я слушаю.

¹¹ При Василии Дмитриевиче огнестрельные орудия уже начали входить в употребление на Руси. Тогда даже выделяли порох в Москве. (Примеч. автора.)

Татарин откашлялся и начал:

– Я – мурза хана Тохтамыша, по имени Карык. Ты не гляди, княже, что я в одеянии бедном, изодранном, грязном. Без отдыха, без остановок скакал я в Москву, на себе платье порвал, лошадей из вольных табунов ловил и на диких жеребцов садился. Не смел ведь я в ваши города да села заезжать: один, без товарищей я был, а одному несдобровать бы было в земле Русской. Недобрую весть я привез. Потерпел хан Тохтамыш урон от Тимура Чагатайского, войска своего лишился... но все же могуч он по-прежнему, не склоняет головы перед Тимуром. От Волги-реки послал он меня к князю московскому с дружеским словом, ибо ярлыка писать было некогда. Так говорит великий хан.

Карык поднял голову, выставил грудь вперед и продолжал громко и торжественно, будто читал по писаному:

– «Привет мой и поклон великому князю московскому Василию, доброму моему брату и другу. Попущением Всевышнего Бога поборол меня Тимур Чагатайский, одолел воинство мое, но я еще потягаюсь с ним. В улусах моих много народа осталось, много батыров можно набрать, а посему надеюсь я снова на Тимура двинуться. А тебе, друг мой и брат, князь Василий, советую я всю Русскую землю поднять и навстречу Тимуру идти. Уполовинено воинство Тимурово, не ведает он мест здешних и легко погибнуть может со всею ратью. А буде ты, князь Василий, не хочешь со мной вражду иметь, пошли на вспоможение мне пять тем¹² воинов конных, дабы мог я сугубо с батырами своими Тимура разбить и избавить тебя и себя от дерзости мятежного хана чагатайского. И припадет тогда сердце мое к тебе, и будем мы друзьями навеки». Вот что повелел передать великий хан московскому князю Василию, – заключил мурза, переходя в свой обычный тон. – А чтобы вы не сомневались во мне, дал мне великий хан перстень свой с печатью. Зри, княже.

И татарин показал Владимиру Андреевичу драгоценный перстень Тохтамыша с вырезанною на нем печатью хана. В голове Владимира Андреевича мелькнула мысль:

«Хитер Тохтамыш неверный. Пять тем воинов просит! А за что бы, спрашивается, дали мы ему вспоможение? Не за разорение ли им земли Русской? Аль за подлую измену под Москвой, когда он князя Остея и других в ловушку заманил и Москву разграбил? Нет, отложи попечение, поганец! Довольно под твою дудку плясать! Да и не до тебя нам нынче!...»

Однако, предусмотрительный в подобных делах, князь не стал кичиться перед посланцем Тохтамыша тем, что Русь может помочь Золотой Орде, но может и не помочь, а просто сказал:

– Рады мы услужить великому хану Тохтамышу, но не знаю, воины наберутся ли. Получили мы его грамоту дружескую, посланную с князем Ашаргой, а ежечасно тщимся, как бы хану великому угодное сделать. А об этих словах хана я отпишу государю-князю московскому в Коломну. Как он присудит, так и будет.

«Хитрить так хитрить!» – мысленно усмехнулся князь и продолжал:

– Так и скажи хану великому. Князь московский Василий не оставит по слову его высокому сделать. А ежели не можем мы воинов собрать, то не прогневайтесь. На нет и суда нет.

После этого Владимир Андреевич начал расспрашивать Карыка: как произошло сражение между его соотечественниками и монголами чагатайскими, почему Тохтамыш получил урон, а Тимур выиграл победу, каковы по храбрости воины последнего, – но татарин отвечал так сбивчиво и заведомо лживо, восхваляя своих земляков и выставляя трусами чагатайцев, что он прекратил расспросы и сдал Карыка на руки придворной челяди, приказав накормить и напоить его.

¹² То есть пятьдесят тысяч. (Примеч. автора.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.